

The top half of the book cover features a detailed illustration. On the right, a dragon with golden scales and a rider on its back are shown in a dynamic, action-oriented pose. The dragon's head is turned towards the left, and its wings are partially spread. The rider is wearing dark, ornate armor and a helmet. The background is a dramatic, cloudy sky with a mix of blue, green, and yellow tones, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is reminiscent of classic fantasy art.

18+

Мишина Евгения

Царица Тени

Кормундум

Евгения Мишина
Кормундум. Царица Тени

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мишина Е.

Кормундум. Царица Тени / Е. Мишина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-98538-4

"Царица Тени" - это первая книга трилогии о Великом царстве Кормундум. Повествование ведется от лица Киры, которая жила на Земле, была обычной женщиной, женой и матерью троих детей. Она жила счастливой жизнью и, как все, строила планы на будущее в своем родном и таком знакомом ей мире. Но в одно мгновение этот мир просто исчез. Привычная жизнь закончилась и началась другая, полная лишений, боли, потрясений, а так же фантастических открытий и новой любви.

ISBN 978-5-532-98538-4

© Мишина Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Не моя жизнь	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Часть вторая. Полумир	45
Глава 1	45
Глава 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгения Мишина

Кормундум. Царица Тени

Пролог

Время существования жизни никому не измерить. Мы не знаем, когда она зародилась. Мы не знаем, как это случилось. Никто не знает. Но известно место, где это случилось, – великое Царство Света – Кормундум, возведенное из хаоса в самом начале начал, расположилось в самом центре мироздания. Его отражения множатся в пространстве известного нам и ещё не изведанного нами космоса, а также отбрасывают свои тени в Сером Царстве Смерти и проникают лучами своими в Царство Тьмы.

Кормундум существует миллиарды лет, а может быть, и больше. И на протяжении всего того времени идет непрекращающаяся война за заветный трон.

Но рассказ я начну не оттуда и не о том. История начинается в маленьком мирке под названием Земля, на дальних рубежах отражений Великого Царства Света, жители которого и не подозревают, что являются частью чего-то столь значительно.

Путь к величию долог и тернист. Пройти этот путь способны лишь сильнейшие избранники судьбы.

Часть первая. Не моя жизнь

Глава 1

Я смотрю в глаза самого жалкого существа на свете – растрепанные рыжие волосы небрежно собраны в пучок, под глазами синяки, потрескавшиеся губы скрывают пожелтевшие от плохого ухода зубы, на худом сутулом теле висит помятая, выцветшая от частых стирок больничная пижама – жуткое зрелище. Отвращение к увиденному заставило меня отвести взгляд от собственного отражения в оконном стекле и взглянуть на стекавшие по нему и решеткам капли. Там, за серой пеленой дождя, на ограждающей периметр больницы стене горел яркий прожектор.

Мысли не хотели выстраиваться в стройную нить, они, скорее, были похожи на капли дождя за окном – поди попробуй их собери...

– Ну что? – спросил знакомый до боли голос. – Не получается?

– Нет, – призналась я.

– И что же ты скажешь доктору, когда он попросит твой дневник?

– Если я напишу то, что лезет мне в голову, он точно меня не отпустит. Опять обколет какой-нибудь дрянью и не отпустит.

– С чего ты решила, что тебя вообще выпустят? – засмеялась Нинка. – Ты ж чокнутая!

– Не больше тебя, – безлико ответила я ей. Ненавижу эту дуру, все нервы мне вымотала за два года. Не умолкает ни на минуту.

– Ага! – заржала Нинка, а я, стараясь не обращать на нее больше внимания, продолжала пялиться на яркий свет на стене.

И все же она права: что я скажу Павлу Олеговичу завтра на беседе? Я должна была неделю записывать в дневник свои мысли, сны, происшествия за день. А страницы моего дневника девственно чисты и невинны... Не хочу выслушивать от него очередную лекцию о том, как это полезно для моего душевного здоровья! Единственное, чего я хочу, чтобы поскорее наступила пятница и ко мне пришли на свидание мои детки!

Трое моих ангелочков – единственные, о ком я могу думать вменяемо. Единственные, ради кого раз в неделю я привожу себя в божеский вид и улыбаюсь.

– Помнишь? Помнишь, что он сказал? – продолжила болтать моя соседка по палате, когда приступ истерического смеха отпустил её. – Не пустит тебя к детям, если опять ничего не напишешь!

– Урод! – в сердцах выпалила я. Знает ведь, гад такой, чем можно меня шантажировать!

– Ну, не скажи... Я б с ним уединилась...

– Фу! – я невольно представила себе эту картину, и мне стало тошно. Тряхнув головой, чтоб выгнать из головы эту мерзость, я постаралась вообще не вслушиваться в Нинкины слова.

Нужно было начинать писать. Пятница уже послезавтра, а завтра после обеда состоится беседа с врачом. Если она пройдет неудачно, он запретит свидание с детьми, а этого допустить нельзя! Я чувствую, что мне становится хуже, а без моих деток я рискую совсем утратить связь с реальностью.

Я оторвалась от окна и пошла к своей тумбочке. Из верхнего ящика я достала ручку и тетрадь, выданную мне медсестрой Наташей по предписанию моего лечащего врача-психиатра Павла Олеговича.

Сидя на кровати, писать, нагнувшись к тумбочке, было жутко неудобно. Поэтому я легла на живот, подложив подушку под грудь, и в такой вот позе сделала первую запись: «Привет, меня зовут Кира».

Глупо получилось. Никогда не вела дневник. Понятия не имею, что писать... Но необходимо было сосредоточиться и написать что-то адекватное. Я решила начать со своего прошлого, того, где я точно была здорова... и счастлива.

«Привет, меня зовут Кира, мне тридцать шесть лет. Сейчас я нахожусь на лечении в психиатрической лечебнице № 8 города N. Но до определенного момента в жизни могу сказать точно: психическим расстройством я не страдала.

Родилась я в замечательной семье, была единственным ребенком, любимицей родителей».

Приятно было вспомнить детство. Воспоминания о нем никуда не уходили, они всегда были со мной, но сейчас особенно заметно было, как они ровным строем проплывали в моем больном разуме. Давно я не ощущала такого здравомыслия. Может быть, дневникотерапия, как я её обозвала, действительно помогает.

«Родители старались, как могли, чтобы дать мне хорошее образование и обеспечить заделом на будущее. Во время учебы я никогда не испытывала трудностей в общении с людьми, хотя и друзей много возле себя никогда не держала.

Не могу назвать себя красавицей, но я и не уродина. В мужском обществе дефицита тоже не было...»

– Мм... сейчас начнешь расписывать свои подвиги на любовно-кроватьном фронте? – раздался мерзкий голос Нинки прямо возле моего уха. Я даже не заметила, как эта бестия подкралась к моей кровати и, заглядывая через плечо, читает мои каракули.

– Брысь! Дрянь! – вспыхнула я на Нинку. – Пошла прочь!

– Да ладно... – она ткнула меня в плечо. – Хорошо пишешь. Пряма мадам Кюри... – заржала маленькая, толстая, грязная, растрепанная, сумасшедшая баба, в которую тут же полетела моя подушка.

– Кюри была ученой, физиком! – крикнула я этой необразованной бестолочи.

– Да плевать... – начала было выступать Нинка, но тут вдруг дверь палаты отворилась, и на пороге появилась высокая, широкая в плечах обладательница недюжинной силы и длинной русой косы санитарка Марина.

– Чего орем? – грозно громыхнула Марина, а затем язвительно добавила: – Дамы...

Нинка тут же скукожилась, вжалась в стену, около которой оказалась на тот момент, и залебезила:

– Да мы... это тут... Мариночка... мы уже тихо...

Санитарка Марина окинула её и меня суровым взглядом и закрыла дверь.

– Черт бы её побрал, – шепотом возмущалась Нинка, частенько получавшая от Марины «доходчивые наставления» по поводу дисциплины. Моя соседка перебралась на свою кровать и на время замолчала.

На чем я там остановилась...

«...ещё до окончания института я встретила парня, ставшего впоследствии моим мужем.

Я не могу сказать, что не любила его. Любила, конечно же. И до сих пор люблю...»

Странно, но я до сих пор сомневаюсь, любила ли я его когда-нибудь вообще. Но написать об этом не решилась, вдруг врач решит показать мою писанину мужу... Нет! Нельзя сделать ничего, что могло бы разлучить меня с детками! Так что, конечно же, я очень люблю мужа...

«Когда он сделал мне предложение, я абсолютно не была к этому готова. На следующий день я узнала, что беременна. В том, кто отец ребенка, у меня сомнений не было, верность – моя сильная черта, поэтому я тут же приняла предложение Максима и заодно сообщила ему радостную весть.

Мы оба были без ума от счастья: я – из-за беременности, а он – от того, что я стану его женой.

Алёшка, мой старшенький сыночек, был похож на ангелочка. Он полностью занимал все мое время.

Надо сказать, что я ни дня в жизни не работала. Максим был сыном довольно состоятельных родителей, и на момент нашей свадьбы уже имел квартиру, и отец открыл для него небольшой бизнес. Мой муж умный и очень предприимчивый, дела у него и по сей день идут хорошо. Поэтому я смогла всю себя посвятить детям и себе любимой.

Машенька и Серёжка родились подряд, хлопот с ними было полно, но Алёша, как старший брат, был отличным помощником. Конечно, для каждой матери её дети самые лучшие, но моя троица явно была все рекорды».

Я гордо улыбнулась. Все, что я сделала хорошего в жизни, были мои дети, и за это я и вправду могла собой гордиться.

«Пока Максим трудился не покладая рук, чтобы обеспечить нам достойную жизнь, мы вчетвером занимались спортом, ездили по окрестным лесам и водоемам, а также побывали в нескольких странах.

Казалось бы, нет ни малейшего повода в моей жизни, чтобы лишиться рассудка. Однако... как видите, это произошло».

Больше писать мне не хотелось. Все светлые воспоминания вдруг померкли во тьме безумного настоящего.

Я швырнула тетрадь и ручку на облупившуюся тумбочку, а сама уткнулась лицом в матрас и накрыла голову руками. В голове побежали до жути непонятные, бесившие остатки моего разума картинки – огромные пасти невиданных чудовищ, острые когти на здоровенных грязных лапах, невообразимое небо, сквозь редкие рваные облака на бледно-голубом небе среди бела дня проступали чужие звезды. Моя правая щека, шея, правая рука, бок и бедро начали гореть, но саму меня бросило в холод. Затем пришла боль. Немыслимая, дикая, острая, разрывающая на части. Я вопила от этой боли, но никто не мог услышать меня. Отовсюду вокруг меня начало сползаться одиночество. Оно становилось осязаемым, касалось меня, давило, сводило с ума наравне с болью. Почти невидящими глазами я уперлась в чужое небо, на котором стремительно убегало маленькое белое холодное солнце, а ему на смену выползала огромная огненная Луна. Меня объял ужас. Начался кровавый дождь. Горячие густые липкие капли падали на мое лицо, тело и заливали все вокруг...

Затем все кончилось. Последнее, что я видела, перед тем как пришла темнота и тишина, было огромное необъятное пространство, спокойное, умиротворяющее, посреди которого медленно плыли мириады родных далеких звезд. «Моя Вселенная...» – позвала я свое неуловимое видение и провалилась в пустоту.

Глава 2

– У вас, милая моя, вчера вечером снова был приступ... – то ли спрашивая, то ли сообщая мне эту невероятно «свежую» новость, сказал Павел Олегович.

– Был, – вторя его тону, тихо сказала я.

– Но, несмотря на это, вы все же молодец! – воодушевленно похвалил меня доктор. – Я смотрю, вы начали писать. Правда, маловато, но это уже явный прогресс.

– Значит, завтрашнее свидание остается в силе? – с надеждой задала я интересующий меня вопрос.

– А вы, Кира, значит, написали это только ради свидания с детьми? – неодобрительно покачал головой Павел Олегович.

– Нет-нет... – поспешно ответила я. Вот дура! Нельзя было лепить вот так в лоб! – Кстати, мне понравилось делать эти записи. Но как-то все это непривычно.

– И чем же вам так понравилось это писать? – вопрос был с явным подвохом.

– Когда я писала, то смогла выстроить свои мысли в, так сказать, ровный ряд. Очень приятное чувство. Да и вспомнить о прошлом было кстати.

– Хорошо, – одобрительно кивнул доктор. – Однако сразу после этого вновь случился приступ... – многозначительно добавил он своим раздражающе спокойным голосом.

– Но ведь это был мой первый опыт. Может, в следующий раз будет лучше?

Доктор многозначительно улыбнулся.

– Кирочка, я не говорю, что данная терапия избавит вас от приступов. Нет. К сожалению, ведение дневника в этом нам не поможет. Но, как вы уже сами заметили, запись на бумагу собственных мыслей будет способствовать их структурированию. Это будет заново учить ваше сознание выстраивать логические цепочки, упорядочивать восприятие действительности.

– Да, конечно, – покорно согласилась я. – Я обязательно продолжу писать.

– Это было бы замечательно, – снова одобрительно кивнул доктор.

– А что насчет завтра? – осторожно спросила я. Павел Олегович некоторое время молча смотрел на меня, потом все с тем же раздражающим спокойствием и не сходящей с его лица улыбкой ответил:

– Все в силе, Кирочка. Вы выполнили мое условие, и если до завтра ваше состояние останется стабильным, то я не вижу повода запретить вам свидание с мужем и детьми.

Я с облегчением вздохнула, на моем измученном лице появилась довольная улыбка.

– Наша встреча с вами ещё не окончена, – покачал доктор перед моим лицом указательным пальцем. – Я хочу, чтобы вы поведали мне о своем последнем приступе.

Ох, ну что же за напасть. Зачем каждый раз мучить меня этими воспоминаниями?!

– Да он, по сути, ничем не отличался от предыдущих, – хотела я отделаться быстрым коротким ответом, хотя точно знала по прошлому опыту, что не получится.

– Кира... – укоризненно покачал головой мой врач, каким-то образом сохраняя на лице все ту же улыбку. Приклеил он её, что ли?!

– Я... Снова видела каких-то огромных животных, нападавших на меня. И незнакомое мне место...

– Вашу Вселенную? – спросил доктор, внимательно всматриваясь в мое лицо, желая увидеть реакцию на свой вопрос. Я остолбенела – неожиданная для меня реакция. Эта фраза вызвала внутри какое-то жгучее болезненное чувство, поглотившее все мое сознание.

– Кира?! – позвал меня голос.

– Моя Вселенная, – нерешительно, тихо, почти шепотом повторила я. «Моя Вселенная», – растеклось по всему моему внутреннему миру... Тоска! Вот оно – то чувство, которое возникло у меня от этих слов.

– Да, Кира, именно это вы произнесли вчера, когда санитары ввели вам успокоительное, – снова заговорил голос.

Я медленно встала и подошла к окну. Сквозь решетку я уставилась на небо. Дождя сегодня не было, но над землей все ещё нависали серые тяжелые тучи. Мое сердце потянулось куда-то туда, туда, за это окно, за решетку, за занавесь туч, вдаль... Я отчетливо осознала, что где-то там действительно было что-то, что зовет меня, что я могла бы назвать Своей Вселенной.

В реальность меня вернули руки, легшие мне на плечи. Я обернулась. Позади меня стоял Павел Олегович, руки он тут же убрал и теперь внимательно смотрел мне в лицо.

– Кира, вы меня слышите?

– Да, Павел Олегович, я вас слышу, – я старалась говорить внятно и осознанно. – Просто я пыталась вспомнить, к чему я это могла сказать...

– И что же?

– Не получается, – грустно призналась я. – Помню страх и боль. А потом я отключилась. Доктор ещё раз очень пристально взглянул мне в глаза.

– Ну, что ж, – задумчиво произнес он, возвращаясь в свое кресло. – Если вдруг возникнут идеи, я жду, что вы запишите их в свой дневник, – доктор протянул мне мою тетрадь. – До встречи в понедельник, Кирочка.

– Конечно, Павел Олегович, до свидания, – я постаралась улыбнуться ему в ответ и взяла тетрадь.

Прижав свой «дневник» к груди, я вышла из кабинета и поплелась по узкому коридору с неровным полом и обшарпанными стенами в свою палату.

– Через десять минут обед! – напомнила мне невыспавшаяся санитарка Марина.

Я мельком глянула на её суровое лицо, слегка кивнула в ответ и вошла в маленькую неуютную мрачную комнату, в которой провела последние два года.

Нинки в палате не оказалось, чему я была бесконечно рада, иначе придушила бы, как только она открыла бы свой рот.

Положив на тумбочку тетрадь, открыв её на последней записи, я взяла из шкафчика ручку и написала: «Моя Вселенная».

Остаток дня я провела, молча лежа на кровати и размышляя над тем, что же это могло быть – Моя Вселенная.

Глава 3

Самый замечательный день в неделе – пятница. Я с самого утра, как только это стало возможным, приняла душ, хорошенько вымыла голову и расчесалась, начистила зубы, так что даже раскровила десну, надела чистое белье, футболку и штаны. Высохшие волосы я туго заплела в косу.

– Ну, прям красотка! – захопала в ладоши Нинка, глядя на результат моих трудов. – И чего ты всегда так не ходишь?!

– Для тебя, что ли, стараться? – спросила я.

– А почему бы и нет...

Нет, нельзя было ругаться с ней сегодня. Может быть, вечером отвешу ей подзатыльник, но не сейчас.

До встречи с моими любимыми ангелочками оставалось ещё три часа. Нужно было пережить ещё три часа, и я буду вознаграждена сполна их объятиями и рассказами о том, как они провели прошедшую неделю.

– Ну, нет, правда, Кир, ты офигенная, когда прихорошишься! Понимаю, почему твой богатенький муженек так о тебе печется, хоть ты и того... – она покрутила пальцем у виска. – Наверно, надеется, что тебе тут мозги вправят до того, как ты постареешь и одрябнешь, – и она снова отвратительно заржала. У меня руки затряслись от напряжения, с которым я себя сдерживала, чтобы не навалить ей прямо сейчас.

– Не завидуй, тебе все равно ничего не обломится, – мысленно сосчитав до десяти, ответила я.

– Жаль, – пожалала плечами Нинка. – Думаю, мне бы понравилось.

– В отличие от меня...

– Я не в твоём вкусе? – при этом она начала лапать себя за задницу и бедра. Я зажмурилась и отвернулась. Такое зрелище вызывало у меня тошноту.

Решив не испытывать судьбу, я быстренько вышла из палаты и пошла в общий зал, где, усевшись на подоконник, начала рассматривать деревья, пожелтевшие и наполовину облетевшие в преддверии наступающей зимы. Когда-то я обожала осень. Особенно гулять с зонтом под дождем в одиночестве, слушая, как отбивают свой особенный бешеный ритм капли по туго натянутой ткани зонта.

– Замечательно выглядите, – раздался совсем близко голос доктора.

– Спасибо, Павел Олегович, – ответила я на комплимент.

– Да, она у нас просто конфетка! – воскликнула Нинка, внезапно появившись, словно из ниоткуда.

– Ваша правда, Ниночка, голубушка. А как вы себя сегодня чувствуете? – переключился на нее доктор, за что я искренне была ему благодарна. Из моей горе-соседки тотчас же забил фонтан нечеловеческого красноречия. Доктор отвел её в сторонку, уделил ей пару минут, а потом скрылся за одной из дверей узкого коридора. Нинка довольная побежала в соседнюю палату к одной из своих здешних подружек делиться «интимными подробностями» утренней встречи с «шикарным мужчиной».

Я же вернулась к созерцанию октябрьской осени за окном.

Выпив розданные таблетки и наспех пообедав, я пошла в комнату, отведенную для свиданий с родными. Я пришла чуть раньше и нетерпеливо мерила шагами небольшое помещение. Здесь стоял диван и два кресла, комплект был далеко не первой свежести. Перед диваном стоял журнальный столик, наверно, ещё времен Сталина. Заслышав родные голоса, я тут же села в кресло и постаралась успокоиться и расслабиться.

Дверь открылась, и оттуда сразу же в комнату ворвалась веселая суeta моих трех ураганчиков.

– Мамочка, привет!

– Привет, мам!

– А вот и мы!

Как же я обожала этот момент. Сердце мое разрывалось от радости. Я соскочила с кресла и оказалась в объятиях трех пар самых родных в мире рук.

– Любимые мои! Родные! Привет! Мои милые детки! Лёшенька, Машенька, Серёжка! – я целовала их личики, и все события прошедшей недели в один миг улетучились.

В дверях терпеливо ждал Максим. Он не торопясь разделся, зная, что наше приветствие продлится минут пять, не меньше.

Детки по очереди начали отделяться от общей кучки и снимать верхнюю одежду, потому что в помещении уже дали отопление и было довольно жарко.

– Ну, привет, красавица моя! – поздоровался со мной мой муж, когда дети расселись на диване.

Я подошла к нему и молча повисла у него на шее. Максим крепко обнял меня, а потом поцеловал меня в висок. Теперь уже детки терпеливо ожидали своей очереди.

Когда церемония приветствия была окончена, я втиснулась между младшенькими на диван и взяла Машку, сидевшую посередине, на колени. Таким образом, все мои детки оказались рядом. Максим сел в кресло, понимая, что сейчас мне не до него.

– Жду полного отчёта за неделю! – бодро с веселой улыбкой на лице начала я.

Алёшка порылся в заднем кармане джинсов и гордо предъявил мне свой новехонький паспорт. Больше месяца назад ему исполнилось четырнадцать, и он, конечно же, тут же сдал документы на паспорт. Дети всегда хотят побыстрее вырасти, и лишь когда у них это получается, понимают, какими дураками были.

– Вот!

– О-о! – восхитилась я. – Здорово! – я взяла в руки паспорт сына и развернула его. Совсем ещё ребенок смотрел на меня с фотографии нарочито серьезными глазами. «Алексей Максимович Качелин», – прочитала я. – Поздравляю вас со вступлением во взрослую жизнь, Алексей Максимович! – я вернула сыну паспорт и пожала ему руку.

– Носится со своим паспортом, как не знай кто... – надула губки моя принцесса.

– А ты не завидуй! – задрал нос Алёшка.

– Ой, подумаешь! Было бы чему завидовать!

– Вы чего сюда пришли, матери нервы мотать своими склоками? – строго спросил Максим. Машка с Лёшей быстро притихли.

Я укоризненно посмотрела на мужа. Он понял моё недовольство его жесткостью к детям и пояснил:

– Это уже со вторника продолжается. Целыми днями цапаются. Я скоро выброшу эту бумажку!

Леша быстро сунул свой паспорт в карман и больше про него не вспоминал, опасаясь, что отец сдержит слово.

Я же для себя решила, что у Максима что-то случилось, потому что уже не первую нашу встречу он не целует меня в губы, а сегодня он вообще какой-то напряжённый и вспыльчивый.

– Как прошли соревнования, зайчонок? – переключилась я на Серёжку, пытаюсь разрядить обстановку.

– Второе место, – не особо радостно сообщил мне мой младшенький.

– Это нужно произносить по-другому, – покачав головой, уверенно заявила я. – Второе место! – победоносно заявила следом.

– Ну да, но ведь не первое...

– Ты у меня самый лучший, самый быстрый и ловкий, зайчонок! А за второе место судью на мыло! Первое как минимум!

Серёжка невольно улыбнулся. И какой балбес мог присудить моему сыну второе место?! Он у меня бегать начал раньше, чем ходить. Ещё два года назад мы каждое утро бегали вчетвером, а в секцию он начал ходить три года назад, и там ему не было равных... видимо, до этих соревнований...

– Много грибов собрали в прошлые выходные? – поинтересовалась я у деток, когда мы обсудили ещё пару новостей.

– Мы так и не поехали в лес, – сообщила мне Маша. – Папе пришлось уехать на работу в субботу утром.

Я опустила глаза в пол. Максиму никогда раньше не приходилось заниматься подобным – организовывать детям досуг, он заботился лишь о доходах нашей семьи. Не могу его в этом обвинить, и всё же теперь меня нет рядом, а детские потребности в общении с природой никуда не делись.

– Ну, ничего страшного! – как можно позитивнее сказала я. – Уверена, папа обязательно это исправит в другой раз.

– Непременно, – подал голос мой муж, его явно не вдохновляла перспектива бродить по лесу, да ещё и в такую сырую холодную погоду. – Только вот, думаю, грибной сезон уже прошёл. Найдём другое занятие на выходные.

Дети молча закивали, зная, что, скорее всего, и эти выходные они проведут одни дома.

– Как там дедушки и бабушки поживают? – поспешно поинтересовалась я.

– Сегодня после занятий поедem к ним в гости, в смысле, к бабе Зое и деду Юре, – радостно сообщил Серёжка.

– Это вы поедете, – поправил его Лёша.

– А ты не поедешь? – уточнила я.

– Не, мам, у меня сегодня вечером дела, – отмахнулся он.

– Какие это у тебя дела, о которых я не знаю? – поинтересовался Максим.

– О которых ты забыл... – уточнил Алексей, с вызовом глядя на отца. – Я сегодня обещал встретиться с Юлей у неё дома.

Максим нахмурил брови, но затевать выяснение отношений не стал.

– С Юлей из твоего класса? – воодушевленно спросила я.

– Ну, типа того... – засмутился сын. – Да я ей приложение обещал помочь настроить...

– Ну-ну... – подтрунивала над братом Машка.

Невероятно, мой старший сын уже получил паспорт и обзавелся девочкой, а я торчу тут и уже пропустила невосполнимые два года их жизни. Конечно, они приходят ко мне каждую неделю и вот так вот рассказывают обо всём... Но разве обо всём расскажешь? Я бы хотела не слушать истории, а быть их частью...

На меня нахлынула волна грусти. И, чтобы не раскиснуть прямо сейчас, я решила поинтересоваться их планами на следующую неделю.

– Думаю, что смогу отправить вас на выходные с бабушками в дом отдыха, – сообщил детям Максим.

– В дом отдыха?! – сквасил кислую мину Лёшка. – А можно мне дома остаться?

– Будешь приложения Юле настраивать? – ехидно поинтересовалась Машка.

– Ну ты и маленькая зараза... – ткнул её в плечо Лёша.

– Посмотрим, – сказал Максим. – Все решится вечером. Если будет пять мест, значит, ты тоже едешь.

– Отстой...

– Разговорчики! – строго одернул его отец.

Я с удовольствием молча наблюдала за происходящим, стараясь не думать о тех пяти минутах, что оставались нам на сегодня.

– Сладкие мои! Я вас очень люблю! – целуя каждого в обе щеки и в губки, говорила я. – Вот позеленеешь без свежего воздуха, и ни одна Юля на тебя не посмотрит... – шепнула я на ухо сыну и поцеловала его в макушку.

– Мы тоже тебя любим, мамочка! – обхватив мою шею руками, поведала мне Машка. – Уже скучаю по тебе.

– И я... Солнышко! И я по вам уже скучаю! – уткнулась я носом в её рыжие, как и у меня, кудряшки. Затем я крепко прижала к себе младшенького. – Не расстраивайся по поводу второго места. Ты у меня лучший! Знай это!

Оставшиеся пару минут мы провели в объятьях друг друга, пытаюсь вобрать в себя огонек этого момента на всю следующую неделю.

– Пока, мамуль...

– Пока, Кирюша...

Дверь закрылась. Часы пробили двенадцать, и карета превратилась в тыкву...

Глава 4

«Я сегодня виделась со своими детьми, как и каждую пятницу последние два года. И каждый раз я испытываю что-то подобное тому, что испытывала при их рождении. Шесть дней забвения в собственных кошмарах, и вдруг прояснение, и вдруг волна любви, счастья, жизни. Жаль только, что, как только за ними закрывается дверь, я тут же вновь оказываюсь в Этой реальности, заключающейся в том, что я сумасшедшая и не могу дать своим детям больше, чем час общения в приемной психбольницы в неделю. Я уже не чувствую себя их матерью. Лишь когда они дружно называют меня мамой, я понимаю, что, действительно, я их мать.

Когда-то все было иначе. До определенного момента я точно знала, что никто лучше не позаботится о моих детках, чем я. Мы делили на четверых каждый момент жизни друг друга.

Когда родилась Машенька, Алёше было пять лет. Он так старался помогать мне, это было трогательно до боли в груди. А теперь они подросли и постоянно цепляют друг друга. Надеюсь, что за буйством гормонов в переходный период они не растеряют ту заботу друг о друге, что я прививала им с детства. Ведь им сейчас приходится переживать период взросления в отсутствие матери и по большей части отца.

Что же до леса, в который не повез деток Максим по причине своей «невероятной занятости», то мы бывали там не только в грибной сезон. Мы ездили по окрестным лесам несколько раз в месяц, независимо от времени года, даже зимой. Брали с собой фотоаппарат, продукты для пикника, а иногда и палатку для ночевки под звездным небом.

Из леса мы обычно привозили тысячи фотографий, кучу впечатлений, всевозможные гербарии, материалы для композиций, которые потом мастерили дома, все, кроме грибов и ягод, которые обычно съедали там же на месте. Вернее будет сказать, грибы мы не ели, а только искали их на интерес, не срезая.

Помню, когда Серёжке было года три, он втихаря наелся каких-то грибов, и мы так быстро сорвались с места и повезли его в больницу, что я даже фотоаппарат забыла на поляне. На следующий день мы вернулись на то место, и каково же было мое облегчение и радость – фотоаппарат лежал нетронутым именно там, где я его и оставила.

Грибы оказались съедобные, в больнице Серёже промыли желудок и отпустили домой. С тех пор он так невзлюбил грибы, что даже просто искать их отказывается, не говоря уже о том, чтобы есть.

Ещё был момент, когда Лёша залез на дерево, а Машка увязалась за ним. Он, как мог, подстраховывал сестренку, но та все же сорвалась. Лёше удалось поймать её, но сил удержать не хватило. В тот раз Машка сломала руку. Тогда мы тоже собирались второпях, но ничего не забыли.

Перелом был несложный. Через месяц моей доченьке уже сняли гипс.

Надо сказать, она не перестала лазать по деревьям».

Поток моего красноречия был прерван очередным приступом.

Снова боль. Чужие кровоточащие звезды, огненная Луна, зубы, когти... Тишина, покой... Моя Вселенная... Пустота...

Открыв глаза утром, я обнаружила перед своим лицом радостную улыбку.

– Ну, наконец-то, соня! Я уж соскучилась по тебе!

– А, всего лишь ты...

– Ты как всегда милая, добрая и приветливая, Кира! – сострила Нинка. – Вставай, а то завтрак пропустишь.

Мне не нужно было даже задумываться над тем, что делать. Тело мое все делало на автомате – выпить таблетки, позавтракать, посидеть у окна, стараясь не обращать внимания на соседку, одеться и выйти на прогулку, затем таблетки, обед, терапия, сончас, таблетки, пол-

дник, и вот наконец я и моя тетрадь. Не понимаю, и почему я так противилась этому? Доктор не мог заставить меня писать почти два месяца. Сейчас же я не могла дожидаться, когда вновь могу взять в руки ручку.

«Возвращаясь к рассказу о моих детках, нужно сказать...»

Я хотела написать о том, какие мои детки одаренные – Машенька танцует и поет, Серёжа бегает на короткие и средние дистанции, Лёша рисует невероятные картины. Но что бы я там ни хотела, это стало неважным. От резкой боли моя правая рука сжала ручку так, что та просто разлетелась на маленькие кусочки, некоторые из которых впились в мою ладонь и пальцы. Я резко перевернулась на спину, но вместо потолка больничной палаты я смотрела на чужие звезды неведомого мне мира, населенного жуткими монстрами...

Через несколько часов я начала отходить от успокоительных. Время было позднее, Нинка мирно сопела на своей кровати, иногда вздрагивая и смешно похрюкивая при этом. Мои глаза смотрели на свет от прожектора, падавший через окно на стену, в которой была дверь в коридор. Стена была наполовину покрашена бледно-зеленой краской, а наполовину когда-то давно побелена, как и потолок. За окном гудел ветер, но в нашей палате было довольно тепло. Мысли не хотели выстраиваться во что-то внятное, и я просто лежала, разглядывая сетку из мелких трещин на стене.

Вдруг в памяти возникла картина, нарисованная моим Алёшенькой лет пять назад, – паутина с пауком в центре. Картина эта была впечатляющей, она была исполнена в карандаше, паук на ней был ну впрямь как живой.

В нашей с Нинкой палате пауков не было, но вот мелкие многочисленные трещинки очень напоминали паутину.

Глава 5

Утро как утро – голова трещит, Нинка тоже трещит, не умолкая, перебинтованная рука ноет – хорошо, что оно уже кончилось. После обеда и терапии мне выдали карандаш, чтобы я могла продолжить свои записи. Но писать сейчас не хотелось. Перед тем как дать отбой на сончас, Даша подошла ко мне и сухо сообщила, что ко мне посетитель, ожидающий меня в комнате для свиданий.

Посетители у меня бывали только по пятницам, и всегда одни и те же. Родителям я запретила навещать меня. Кто же мог прийти сегодня, в неприёмный день?

Я так быстро, как могла, пошла в приемную. Бегать в больнице было категорически запрещено. Открыв дверь, я увидела сидящего на диване Максима, который явно был взволнован, его лицо было бледным, а руки не могли найти себе место, и он тер их друг о друга, периодически заламывая пальцы.

У меня внутри все оборвалось – что-то случилось с детьми?!

Видимо, мое лицо было настолько испуганным, что он понял, о чем я волнуюсь, и поспешил меня успокоить:

– Не переживай, дети в порядке...

Уф-ф... Сразу полегчало. Какая бы причина ни привела его сюда, мне было уже все равно, главное, что мои ангелочки в порядке.

– Ну, тогда привет!

– Привет! Что с твоей рукой? – обеспокоенно поинтересовался муж.

– Да так, ерунда, – отмахнулась я. – Поранилась о кусочек сломанной авторучки.

Максим бережно взял мою перебинтованную руку и осмотрел повязку. Не выпуская её из своих рук, он сказал:

– Я пришел, чтобы с тобой кое-что обсудить, – человек, руководящий несколькими предприятиями, каждый день ведущий деловые переговоры с партнерами, клиентами, поставщиками, сейчас задыхался от волнения перед собственной женой. Мне даже показалась, что он прячет от меня взгляд, потому что чего-то стыдится.

– Что же? – приглашая его присесть здоровой рукой, спросила я.

– Если честно, я даже не знаю...

– Макс, просто скажи, как есть, – перебила я его. Мне было очень любопытно, единственный раз, когда я видела Максима таким, был момент, когда он делал мне предложение.

– Ну, хорошо... – он глубоко вздохнул и произнес: – Кира, я встретил одну женщину, это случилось...

– Три недели назад... – снова прервала я мужа.

– Откуда ты знаешь? – он изумленно уставился на меня.

– Ты перестал меня целовать при встрече три недели назад и с детьми стал вести себя строже, – спокойно пояснила я. Сердце не обманешь, даже если разум подводит. Я чувствовала перемены в нем, но не могла понять, в чем дело. Теперь все стало ясно – Максим нашел себе другую. Даже не знаю, какие чувства вызвала во мне эта новость. Я давно уже задумывалась над тем, как же поживает мой муж в одиночестве. Он же не железный, и он не виноват, что я не могу отсюда удовлетворять все его потребности. Но все равно внутри появилось поганое чувство, что меня предали.

– Да... вообще-то познакомились мы уже больше полугода назад, но недавно я вдруг осознал, что она стала для меня больше чем знакомой.

– Ясно, – что ещё я могла сказать? Конечно, можно устроить истерику, закатить скандал, но что это мне даст? Я торчу здесь и навряд ли в скором будущем выйду.

– Признаться, я ожидал другой реакции, – признался Максим.

– Хочешь, чтоб я зарыдала или поколотила тебя?

– Нет, я не хочу твоих слез. Я все ещё очень люблю тебя, правда. Но не могу больше быть один, – с горечью произнес он, уставившись на свои колени. – Я не справляюсь. Работа, дом, трое детей – слишком для меня одного.

Признаюсь, мне стало его жаль. Он действительно не справляется. Детям катастрофически не хватает внимания. Стоп! Вокруг меня витала некая мысль, что-то очень очевидное и ужасно гадкое, но я никак не могла её уловить.

– Мне тоже кажется, что тебе не удастся уделить всему должное внимание...

– И поэтому я решил, это решение далось мне чертовски нелегко, что мне нужен в этом деле помощник...

Мысль, ускользавшая от меня, подобралась совсем близко к моему сознанию.

– Помощник... – повторила я.

– Ага... – Максим взглянул на меня. – Слушай, я вчера разговаривал с Павлом Олеговичем по поводу твоего здоровья, и он сказал, что... не может сказать, когда ты сможешь к нам вернуться. И... Мне не одному тяжело. Детям тоже очень тяжело без матери...

Как будто меня со всей силы треснули по голове!

– И ты решил не только себе любовницу завести, но и новую мать деткам подогнать?! – я чуть не задохнулась от возмущения.

– Не собираюсь я им тебя ни на кого менять! – тоже повысил голос Максим. – Но нам всем трудно! Скоро и у Машки с Серегой начнется переходный возраст, как у Алёшки! С ними должен быть кто-то рядом, кто помог бы им это пережить! Я не могу, тем более с Машкой...

Я резко встала с дивана и, нервно пройдясь по комнате, встала возле небольшого зарешеченного, как и все другие, окошка. Максим продолжал что-то говорить, а я пыталась собраться и обдумать случившееся. Я могла бы воспротивиться этому, могла бы потребовать забрать меня отсюда. При этой мысли я взглянула на свою забинтованную руку – я здесь потому, что представляю опасность для своих родных, а значит, возвращение домой точно отпадало. Что же ещё было в моей власти? Ничего, как ни печально. Могу предположить, что он хочет не только привести эту женщину в наш дом и уложить её в нашу постель...

– Макс, – тихо обратилась я к мужу. Он что-то говорил, но тут же умолк. – Ты хочешь развода? – прямо спросила я.

Он помедлил, а затем так же прямо ответил:

– Да.

– Я подпишу любые бумаги, которые ты мне принесешь, но с одним условием.

– Каким?

– Я дам тебе развод и откажусь от претензий на имущество, но за это я хочу, чтобы ты не требовал признания моей недееспособности... Я хочу остаться матерью своим детям, – в душе было так паршиво, что словами не описать. Моя жизнь была окончательно разрушена. Все, что я могла сохранить, – мое материнство. Наворачивающиеся на глаза слезы я сдержала, трясущиеся руки сунула под мышки и старалась не забывать дышать.

– Никто и не собирался отбирать у тебя детей... Ничего не изменится, мы будем приезжать к тебе каждую пятницу, – говорил Максим, в его голосе чувствовалось еле заметное облегчение. – Никто никогда не посмеет назвать тебя иначе, чем матерью наших детей. В этом я могу поклясться тебе.

– Надеюсь, ты хорошо подумал. Наши детки особенные, и подход к ним нужен особенный, – сказала я, слыша себя как будто со стороны.

– Думаю, Таня справится. К тому же я ведь всегда буду рядом.

– Таня, – произнесла я имя, за которым скрывалось гораздо больше, чем человек. За этим именем скрывалась гибель моей семьи... Я тут же возненавидела это имя.

После недолгого молчания я услышала голос Максима:

– Мне пора ехать на работу.

Он подошел и хотел положить руку мне на плечо. Я даже почувствовала её тепло возле своей кожи. Но он так и не сделал этого.

Я осталась одна в пустой комнате для свиданий. Я осталась одна...

Через некоторое время за мной пришла санитарка и проводила меня обратно в палату. Нинка спала. Я обессиленно опустилась на свою кровать. Больше сдерживаться я не могла, громкий стон вырвался у меня из груди, а щеки залили соленые слезы. На меня нахлынули воспоминания, связанные с Максимом, – почти пятнадцать лет моей жизни.

«Мы встретились на дне рождения моего одноклассника. Мне очень понравился высокий, подтянутый, очень ухоженный молодой человек, который, в отличие от многих на той вечеринке, почти не пил, но ни на какие отношения с ним я не рассчитывала, тем более что на тот момент встречалась с одной замечательной девушкой. Я ему, видимо, понравилась гораздо больше, потому что он нашел меня в институте на следующий день и больше никогда не терял из виду. То, что у меня отношения с представительницей моего пола, его абсолютно не смущало, даже добавляло некоего «изюма». Через три месяца очень настойчивых ухаживаний он все-таки обратил на себя мое внимание. Моя дорогая Оленька восприняла это немного болезненно, но в итоге мы остались подругами.

Максим оказался очень требовательным любовником. Но, к счастью, у меня было, что ему предложить. Несмотря на свою занятость – в то время он уже закончил институт и полностью посвятил себя развитию небольшого бизнеса, который организовали для него родители, – Макс всегда находил на меня время, особенно на то, чтобы уединиться в его квартире и получить от меня всё, что я могла ему дать, и не забывал потребовать чего-нибудь новенького.

Через четыре месяца подобного секс-марафона Максим сделал мне предложение. Я любила его – думаю, что любила, – но прожить так всю оставшуюся жизнь мне не хотелось, поэтому я ничего ему не ответила и планировала вскоре отказать. Но судьба распорядилась иначе: на следующее утро я сделала тест на беременность, потому что у меня была задержка три дня, и обнаружила, что беременна.

Я всегда любила детей. Я нередко задумывалась о том, каково это – быть матерью. И когда я узнала, что беременна, то единственное чувство, возникшее у меня в тот момент, было счастье.

Речи о том, чтобы делать аборт, и быть не могло. Стать матерью-одиночкой в двадцать два года мне совсем не хотелось. Поэтому я позвонила Максиму и предложила встретиться.

В уютном небольшом кафе я сообщила ему, что подумала над его предложением и с удовольствием его принимаю. Когда он закончил целовать мои руки после столь радостного известия, я сообщила, что жду от него ребенка. С той самой минуты всё изменилось. К моему удивлению и удовольствию, Максим оставшиеся восемь месяцев до родов и ещё три после родов ко мне не прикасался. Единственное, о чем он все это время заботился, так это о моем самочувствии и строгом соблюдении мной распорядка дня беременной женщины – спать тогда и столько, сколько я захочу, есть то, что я захочу, а все остальное время гулять. Во исполнение этих условий ко мне были приставлены обе мамы – моя и его. Надо добавить, что абсолютно то же происходило во время двух других моих беременностей.

Я всегда была уверена в том, что мой муж любит меня. Он каждый день доказывал мне это заботой обо мне и наших детях».

Писать было больно из-за ран от ручки на правой руке, но это помогало оставаться моему рассудку у меня в голове. Хотя от очередного припадка не спасло.

После очередной дозы успокоительного я почему-то не отключилась полностью, ещё долго перед мысленным взором наблюдая равномерное умиротворяющее движение столь необъяснимо родных звезд Моей Вселенной.

Глава 6

После визита Максима прошло три дня. За это время я не произнесла ни слова, после припадка не сделала ни единой записи в свой дневник. Мысли постоянно путались, чувства постоянно сменяли друг друга – боль, печаль, одиночество, страх, стыд, облегчение, ощущение полета, чувство, будто меня предал весь мир, тоска и снова одиночество и страх, снова и снова чувство падения в бездну, чувство дежавю... Что-то знакомое, что-то неуловимое. Я не могла связать подобную ситуацию ни с чем из моих воспоминаний, но чем настойчивее я пыталась объяснить себе это ощущение, тем чаще оно возникало среди других чувств. Это сводило с ума! Мой разум и так был давно подпорчен приступами, а в подобные моменты мне хотелось взять что-нибудь острое и вытащить все лишнее из больной головы.

Постепенно, видимо, сказывался прием различных препаратов, призванных излечить мою больную душу, в сознании начались просветления. Сейчас, сидя на подоконнике, я сосредоточенно рассматривала следы дождя в толстом засохшем слое пыли на отливе окна. Они были круглые, с неровными краями, как маленькие кратеры на Луне.

«Ненавижу, когда ты такая...»

Какая мерзость. Что за противный голос посмел нарушить мой долгожданный покой?!

– Ну, хватит, Кирюха! Скучно без твоих занудностей! – ныл противный голос в мое левое ухо. – Мне не разрешают с девчонками в палате сидеть, а с тобой тоска смертная. Давай уже, просыпайся!

Огреть бы её чем-нибудь тяжелым.

Точно! Вспомнила! Это же Нинка!

Чувство реальности.

– Отвали, Нинка! Я не клоун, чтоб тебя развлекать! – недовольно пробурчала я.

– Ура-а! – радостно завизжала моя бешеная соседка.

В дверях возникла Марина.

– Чего орем?

– Ох, Мариночка... – почти шепотом среагировала на её появление Нинка. – А у нас тут радость – Кира в себя пришла...

– Сообщу доктору, – сухо сказала санитарка, а затем тем же тоном добавила: – Сончас, тихо чтоб.

– Да-да, Мариночка...

Я всего этого не видела, продолжая пялиться в окно.

– Ну, подружка, рассказывай! Чего случилось-то? – очутилась рядом со мной на подоконнике Нинка.

– Случилось? – отрешенно переспросила я. О чем это она?

– К тебе муж приходил, когда ты от него вернулась, я спала, – с досадой сказала моя любопытная соседка. – Я проснулась от твоих воплей. Потом тебя как обычно обкололи. А потом ты три дня как приведение ходила... Аж жутко было! – она поежилась.

– Муж...

– Ага, Максим твой.

– Он меня бросил, – сказала я, и только после этого действительно поняла, что произошло. – Нашел себе другую, Таню... Попросил развод.

– Ах! – схватилась за грудь Нинка. – Вот козел! – она заахала, заохала, потом начала извергать оскорбления в его адрес, некоторые из которых я слышала впервые. – Такую красоту бросить! Да это его тут запереть надо за такой идиотизм!

– Прекрати! – осадила я Нинку. – Это, конечно, предательство... Но вот скажи, ты бы ждала мужика из психушки больше двух лет, да ещё если бы было неизвестно, выйдет ли он вообще?

– Я?! – Нинка нервно заржала, потом осеклась и с опаской скосилась в сторону двери. – Была б я на воле, я б мужиков каждую ночь меняла...

– Так ведь он тоже живой.

Нинка начала сокрушаться по поводу того, какие мужики похотливые, и вообще три дня моего «отсутствия» сделали её молчание нереальным.

Я не стала вслушиваться в то, что она там болтала, а погрузилась в собственные мысли. Мне стало стыдно за мою реакцию на просьбу Максима о разводе. Он ведь пообещал, что я останусь матерью для своих детей, что они будут так же навещать меня. Зато теперь будет кто-то, кто будет заботиться о них, кто уделит им больше времени.

Почему-то мне вспомнился один Новый год, это было почти шесть лет назад. Вернее, не сам Новый год, а поездка по магазинам за пару дней до праздника. Я на новеньком внедорожнике, только что подаренном мне Максимом, поехала по магазинам покупать подарки родне и друзьям. Список был большой, с самого утра и почти до шести вечера я колесила по городу, набив вместительный багажник и часть салона всевозможными вещами от миленьких заколочек для младшей Максимовой племянницы до ручной цепной пилы для брата Максима, который увлекался охотой и частенько по несколько дней жил в лесу.

Последним пунктом в моем списке был загородный дом моей очень близкой подруги, про которую я уже упоминала в моем дневнике, Ольги. Она разводила норвежских гончих. Я наконец-то решилась завести себе и детям такого верного и очень полезного в наших регулярных походах друга и подумала, что это будет идеальным подарком на предстоящий праздник.

Но до того дома я так и не доехала... На занесенной снегом нерасчищенной дороге я попала в аварию. Машина всмятку, а на мне ни царапины, ни одна другая машина не пострадала, только моя. Подарки удалось спасти только частично, все, что было хрупкое, побилось.

В ночь после аварии мне приснился мой первый кошмар. Через три месяца, в начале весны, а точнее, третьего марта, у меня случился первый приступ. Две недели я лежала в больнице, врачи были в полном недоумении – у меня был жар, дикие боли, меня периодически скрючивало на правую сторону. Потом меня посетил мой первый психолог. После того как меня обкололи успокоительными, назначенными этим психологом, боль отступила, жар спал, ко мне вернулась ясность рассудка. Тогда-то Дмитрий Андреевич, вышеупомянутый психолог, направил меня на консультацию к специалисту – психиатру Павлу Олеговичу.

Что случилось в тот роковой для меня вечер, до сих пор загадка. Машина просто отказалась меня слушаться, влетела в наметенный на обочину сугроб и несколько раз перевернулась. Неисправностей в ходовой части и во всей системе управления не нашли. Максим однажды высказал предположение, что я очень устала и задремала за рулем. Тогда я была уверена, что это не так, но сейчас я уже ни в чем не уверена.

Поначалу приступы случались редко, раз в месяц, через полгода все начало происходить чаще и длительнее. Родители и мои, и мужа, опасаясь за мое состояние, а главное, за внуков, практически поселились у нас, поочередно сменяя друг друга.

Ещё через полгода я разругалась со свекром и свекровью. Ещё через месяц дошла очередь до моей мамы, а затем и до отца. Мои неврозы делали невыносимой жизнь окружающих меня людей. Так продолжалось ещё какое-то время. Максим все чаще начал отправлять меня на отдых на нашу дачу, благодаря чему мы все могли отдохнуть друг от друга.

Спустя почти три года после первого приступа я в очередной раз уехала в загородный дом, вернее, Макс отвез меня, потому что за руль после аварии я не садилась. В тот день приступ застал меня на кухне, когда я мыла себе фрукты в раковине. И снова стечение обстоятельств – меня накрыло волной боли, яблоко выскользнуло из пальцев и заткнуло слив в рако-

вине. Когда мои ноги подкосились и я начала падать на пол, я неосознанно схватилась за электрочайник, который зацепился за подставку, и провод возле основания подставки надорвался. Когда раковина переполнилась и вода потекла на стол, случилось короткое замыкание... Могу сказать только, что я вновь осталась цела, ни вода под напряжением, ни огонь, вспыхнувший из-за неполадок проводки, меня не тронули. Но после того как меня спасли из горящего дома, я добровольно отправилась прямиком в психушку к моему лечащему врачу, ставшему для нашей семьи довольно близким человеком, Павлу Олеговичу. Близость наших отношений определялась ещё и теми деньгами, что платил ему мой муж. Документально все было оформлено так, что за мной сохранили мою дееспособность, но взяли расписку о том, что я полностью доверяю Павлу Олеговичу суждение о моем психическом здоровье, а также оставляю за ним право удерживать меня в больнице до моего выздоровления, момента, когда я перестану представлять опасность для себя и окружающих. Я запретила навещать меня всем, кроме мужа и детей. Я не хотела, чтобы кто-нибудь видел меня такой, особенно родители и дети. Но если без общения с родителями я могла обойтись, то вот без моих ангелочков... никак.

В канун приближающегося Нового года исполнится шесть лет с момента «дня X», как я сама его назвала, через два месяца.

Глава 7

– Кира Юрьевна! Добрый день! – встретила меня неизменная улыбка Павла Олеговича.
– Здравствуйте, Павел Олегович, – я не очень-то разделяла его энтузиазм по поводу этого дня.

– Как вы себя чувствуете? – заботливо спросил доктор.

– Как обычно, – я слегка пожала плечами и без интереса оглядела знакомый кабинет, в котором тоже было все без изменений.

– Неужели? – задал вопрос Павел Олегович, вглядываясь в мое лицо.

Я на несколько мгновений задержала взгляд на его глазах.

– Почему вы считаете, что я вам вру?

– Да Боже упаси... – отмахнулся он. – Просто в свете последних событий я очень тревожусь за ваше здоровье.

Я молча села в кресло и уставилась на натертое до блеска стекло, лежавшее на рабочей части письменного стола доктора. Поверх него лежала моя история болезни.

– Вам пришлось пережить потрясение четыре дня назад. Мне жаль, что так вышло, – он медленно положил руку на бумажную папку с моим делом, как бы привлекая внимание к своей персоне. – Кира.

Я подняла на него уставший взгляд. В ночь перед нашей встречей я глаз не сомкнула, писала в дневник свои переживания по поводу ухода Максима, а также воспоминания из собственной жизни – все, что приходило в голову.

– Я не успел прочесть ваши записи, – признался Павел Олегович, – ведь они попали ко мне лишь час назад. Однако их количество впечатляет. Вам явно есть чем поделиться. Прошу вас, Кира, поделитесь со мной...

– Там все написано, – большего я сказать не смогла.

– Невероятно важно выстраивать свой внутренний монолог, систематизировать его, выстраивать хронологию. Вы наконец-то начали это делать! И замечательно! Но теперь нужно закрепить достигнутый результат диалогом, – он вытащил из папки мою уже довольно потрепанную тетрадку и раскрыл её на первой попавшейся странице. – «...лишь помню, как незнакомые руки подняли меня и понесли прочь от едкого дыма, уже успевшего наполнить мои легкие...». Что ж, полагаю, это о моменте вашего спасения из пожара.

– Правильно полагаете, – без энтузиазма подтвердила я.

– Мы уже не раз затрагивали с вами эту тему, – задумчиво проговорил Павел Олегович. – Ваши чувства по поводу той ситуации за столь продолжительный период изменились? Может, какие-то новые воспоминания?

– Нет. Это по-прежнему один из самых паршивых дней моей жизни, – я отвернулась от него и уставилась в окно.

– А какой день в своей жизни вы бы назвали самым лучшим? – каким-то очень добрым голосом спросил доктор.

– Дни рождения моих детей, – не задумываясь, ответила я.

– Да, конечно, это бесспорно, – также не задумываясь, сказал он, явно не ожидая от меня другого ответа. – Но это целых три дня. А я говорю об одном, самом особенном...

Я молчала. Теперь, когда это было нужно, в голову вообще ничего не приходило. Через пару минут раздумий я ответила:

– Такого ещё не было...

Сейчас задумался Павел Олегович. Он оценивающе смотрел на меня, обдумывая свой ответ.

– Вы надеетесь, что когда-нибудь подобное произойдет – наступит самый лучший день в вашей жизни?

– В этом месте есть только надежда...

– Рад, что это так, – искренне ответил доктор. – Вы верите в то, что есть надежда. Это важно – не терять надежду.

– Самым лучшим днем в жизни станет мое возвращение домой, – не слыша его слов, ответила я.

– Вы так думаете? – Павел Олегович снова сверлил взглядом мое лицо. Мне было абсолютно непонятно его сомнение в этом факте.

– А что, может быть иначе? – возмутилась я.

– Не знаю, это ведь ваш лучший день...

Вновь воцарилось молчание. Доктор медленно перелистывал странички дневника, давая мне возможность поразмыслить.

– Все, что вы написали, несомненно, важно. Повествование довольно стройное, – он ещё немного почитал мои записи, а затем добавил: – Но я нигде не вижу ни слова про содержание ваших видений во время приступов. Никаких упоминаний...

– Вы же знаете, что они все время повторяются... Каждый раз одно и то же...

– Знаю, – кивнул Павел Олегович. – А ещё я знаю, что ты никогда не говоришь о них. Лишь пару раз за годы нашего знакомства я слышал от тебя описание ужасных образов чудовищ, нападающих на тебя. Но это все. Возможно, сейчас, когда ты узнала для себя новый способ откровения – дневник, ты сможешь подробнее рассказать о своих кошмарах.

Я молча пожала плечами. Ужасы моей настоящей жизни тревожили меня сейчас больше, чем припадки. Об этом я и сообщила доктору через мгновение раздумий.

– Верно, – согласился Павел Олегович. – Вы ведь и сами, наверно, обратили внимание, что за три дня переживаний неурядиц с мужем у вас не было ни одного приступа. Впервые за все пребывание здесь.

Я плохо помню последние три дня, мой разум витал где-то далеко. Но в тот момент, когда врач обратил мое внимание на это время, в памяти тут же вновь всплыло это противное чувство дежавю. Я невольно поежилась, что не осталось без внимания Павла Олеговича.

– Кирочка, вы хотите мне что-то рассказать? – поинтересовался он.

– Нет... Я плохо помню последние три дня... – призналась я.

– Развод – это тяжелое испытание для любого, – доктор говорил с осторожностью, стараясь тщательно подбирать слова, но в голосе его чувствовалось искреннее сочувствие. – Это испытание для всех членов семьи. Вы, Кирочка, отреагировали на эту новость невероятно сдержанно и приняли очень верное взвешенное решение, чего не могут порой сделать даже эмоционально сдержанные и душевно здоровые люди. То, что вы провели три дня в молчании, отрешенности от внешнего мира, это, конечно, плохо и очень тревожило меня, но... все же я горжусь вами, милая, – на этих словах моя ладонь оказалась в его теплых руках, Павел Олегович, оказывается, подошел ко мне, а я и не заметила, погруженная в собственные чувства, пробуждаемые его словами.

– Гордитесь? – думаю, что мой взгляд отражал всю мою растерянность. – Чем тут можно гордиться?

– Да, горжусь. Ведь вы не только не впали в истерику, не попытались наделать глупостей, и, несмотря на трехдневный «перерыв» в общении с миром, вы не замкнулись к себе, а вынесли свои переживания на бумагу. Поверьте, здесь есть чем гордиться.

– Вам видней, – пожала я плечами.

– Именно! – позитив, источаемый его голосом и неизменной улыбкой, по-прежнему раздражал. – Полагаю, если вы не отступитесь и продолжите в том же духе, то можно будет гово-

речь об улучшении вашего состояния, – его слова и взгляд вселяли надежду. – Мой вам совет – не сдавайтесь.

– Вы говорите о том, что у меня все же есть шанс выйти отсюда? – преисполненная этой надеждой, спросила я.

– Все в ваших руках, Кирочка! – затем он добавил более смиряющим тоном: – Конечно же, не будем забывать о ваших приступах. Я безумно рад, что три дня они не беспокоили вас. Но результаты нужно закреплять...

Я снова поникла. Никому за прошедшие годы моей «болезни» так и не удалось повлиять на частоту и течение моих приступов. Ни успокоительные, ни различные процедуры и терапии не помогали.

– У меня для вас задание, – не давая мне погрузиться в собственные переживания, сказал доктор. Я вопросительно посмотрела на него. – Через неделю я жду от вас рассказ о ваших приступах. Чем подробнее он будет, тем продуктивнее будет наша с вами работа.

Мне не хотелось этого делать. Переживать подобный кошмар вновь и вновь изо дня в день было ужасно. А вспоминать пережитое без действия успокоительных было ещё ужаснее. Но если это даст мне шанс вылечиться, вернуться к нормальной жизни, снова стать частью жизни моих детей, то стоило попробовать.

– Хорошо...

– Чудно, Кира Юрьевна! – Павел Олегович взял меня за плечи и повел к выходу. – Я поподробнее ознакомлюсь с вашими записями и вскоре верну их вам.

Я кивнула ему, попрощалась и отправилась в свою палату.

Глава 8

На следующий день после беседы с доктором, как обычно, мои детки навестили меня. Пятница прошла замечательно, как и всякий раз до этого. Я привела себя в порядок и с нетерпением ждала встречи с детками, стараясь вообще не думать о том, что с ними будет и Максим. Он весь час просидел молча в кресле, не вступая в наше общение с моими ангелочками, которые в свою очередь ни словом не обмолвились о новой возлюбленной их отца. Лишь на прощание мы с Максимом одарили друг друга тяжелыми взглядами.

Вечером, перед отбоем, ко мне вновь вернулся мой недуг. Приступ был таким же болезненным, видения – отвратительными, как и ощущения с утра, после того как действие успокоительных закончилось.

«Я всегда вижу одно и то же, когда бы это ни началось, что бы этому ни предшествовало, всегда одни и те же образы, каждый раз та же нестерпимая боль, отчаяние, ужас, безнадежность. Все начинается с боли. Ощущения такие, будто меня терзает стая голодных волков. Лицо, рука, шея, бок и часть живота, бедро до самого колена – все по правой стороне пронизывает резкая острая боль. Я вижу вокруг себя размытые силуэты огромных чудовищ, с огромными зубами и когтями. Я как наяву ощущаю на себе их зловонное дыхание, грубую грязную шерсть. Я слышу их разъяренные вопли, шумное свистящее дыхание, клцанье зубов, чавканье, визг. Одно воспоминание об этих тварях заставляет меня столбенеть от ужаса. В своих видениях я пытаюсь убежать от них, бегу, ползу, куда-то карабкаюсь... но ни одной четкой картинки не вижу. Паника и боль не дают мне сосредоточиться на происходящем, я лишь знаю, что должна бежать.

На смену этому ужасу приходит другая картина – чужое небо, я за свои тридцать шесть лет никогда не видела такого неба на Земле. И на этом небе я вижу чужие звезды, холодные, отвратительные, вселяющие в меня чувство тоски... по дому. Не знаю, почему, но я ненавижу то небо. По телу все ещё растекается неумная боль. Возникает жгучее желание умереть... чтобы боль ушла, чтобы глаза мои больше не видели тех чужих звезд... Потом небо вдруг обращается в некое подобие полотна, а звезды – в зияющие в нем дыры, сквозь которые на меня начинает капать, потом струиться кровь. Горячая, вязкая, она заливает мне лицо, я чувствую её вкус у себя во рту... Я хочу стереть её со своей кожи, хочу отвернуться, спрятаться от нее, но не выходит, боль сковывает все мое тело, силы от постоянной борьбы покидают меня.

Сквозь кровавую пелену я вижу огромную огненную Луну на востоке. Она восходит из-за скал на горизонте, полыхающая адским пламенем... Это пламя жжет меня и начинает с самого сердца... Выжигает меня дотла...

До недавнего времени на этом все и заканчивалось. Вернее, без успокоительных я вижу эти картины снова и снова, пока не вырубаясь от полного бессилия. Но в последнее время, ещё до действия препаратов, приступы прерывает другое видение. Самое прекрасное, что мои глаза когда-либо видели. Все вокруг заполняет пустота, необъятный простор пустого космоса, бесконечный, спокойный, умиротворенный. А в центре, прямо передо мной, в своем особом ритме вечности вращается галактика, миллиарды звезд следуют друг за другом в строгом нерушимом порядке. Моя душа наполняется спокойствием, весь шум пропадает, утопает в тишине бескрайнего черного космического моря. Не знаю, почему, но этот неведомый мне мир манит меня. Чем дальше я смотрю на него, тем более родным и знакомым он мне кажется. Моя Вселенная. Я чувствую, что она наблюдает за мной, зовет меня...»

Я перечитала написанное несколько раз. Никогда раньше я не описывала свои видения во время припадков так подробно. Сейчас я как будто смотрю на эти картины со стороны, жуткий фильм ужасов, выдуманный чьим-то больным разумом... вот только разум этот мой...

«Интересно, почему именно эти образы? Почему все повторяется с такой точностью? Я не вижу в моем прошлом ничего, что могло бы породить в моем уме подобное. Может, это какая-то загадка, которую нужно разгадать? Испытание, которое нужно преодолеть? Может, нужно перестать убегать и сопротивляться?»

Эти вопросы мучают меня уже много лет, но я не могу управлять событиями в своих кошмарах.

Перед глазами вновь появился образ огромной огненной Луны, как будто кто-то облил её бензином и поджег... А от мысли про кровоточащие звезды мне чуть не стало плохо.

Я писала и писала все свободное время до вечера. Нинка в бешенстве прыгала вокруг, пытаясь углядеть хоть что-нибудь через мое плечо, но к ужину сдалась и ушла в соседнюю палату поболтать с подружками.

Пока её не было, я решила просто полежать в тишине. Выключив свет, глядя на трещины на потолке, подсвеченные фонарем с улицы, я думала о том, что будет, если мне все же удастся выйти отсюда. Я могла бы вернуть себе свою жизнь. Я бы, наверно, пару дней не вылезала из салона красоты, ну, это, конечно, после того, как приготовила бы ужин своим деткам, наговорила бы с ними вдоволь, а затем мы вчетвером улеглись бы спать на большой кровати. Я бы заставила Максима взять выходной, и пока дети были бы в школе, доказала бы мужу, что ему нужна я и только я. После этого он бы и не вспомнил, как звали его новую избранницу.

Чтобы все это произошло, мне нужно выйти отсюда, а для этого нужно научиться управлять приступами, и, возможно, тогда получится подавлять их.

Я сосредоточилась на воспоминаниях о том жутком месте, где разворачивались действия моих кошмаров. Каменистая пустыня, окруженная скалами. Над бесплодной землей чужое ночное небо, усеянное холодными враждебными звездами. Внутри все похолодело, по телу пробежал сковывающий, лишающий воли ужас. Я уже не видела вокруг себя больничных стен, лишь каменистую пустошь под черным звездным небом. По коже пробежал мороз, ледяной ветер резким порывом налетел на меня. Вдалеке, в районе самой высокой скалы на горизонте, послышался шум, который нарастал с каждой секундой. Мои ноги сами собой развернули меня в противоположную сторону и понесли прочь. Я бежала с невиданной для меня скоростью, задыхаясь от страха. Из доносившегося шума начали выделяться рычание и визги. Я обернулась через правое плечо и увидела метрах в пяти от меня огромное лохматое чудовище. Оно было похоже на... даже не знаю, с кем можно было бы его сравнить, в реальности таких животных не существует. Ещё пара секунд погони – и прямо возле моего уха раздался лязг зубов. Я ощутила на своем лице его зловонное дыхание. Последнее, на что упал мой взгляд, была одинокая скала в нескольких метрах от меня. Я знала, что если добегу до нее, то спасусь от монстров позади, но на смену всему пришла боль. Тяжелая когтистая лапа чудовища с неистовой силой опустилась на мое правое бедро. Я тут же оказалась на земле, рефлекторно прикрыв от нападения лицо, но все тщетно – когти второй его лапы вонзились в мое плечо и, раздирая плоть до костей, двинулись к моим ногам. И снова все смазлось. Удержать четкую картинку мне не удалось, я билась в агонии на своей постели, зажимая рот обеими руками, чтобы не закричать. Через какое-то время боль изменилась, я ощутила под своей спиной холод голого камня. Шум, издаваемый нападшими на меня тварями, стал отдаленным. У меня не было страха нового нападения, почему-то я была уверена, что здесь они меня не достанут. Однако вместо правой стороны моего тела был лишь комок боли. Мне было очень холодно, но по всей коже я ощущала теплые пятна. Я поднесла к глазам свою левую руку, она вся была в крови и грязи. Я перевела взгляд дальше, сквозь собственные пальцы, и увидела его... небо... за столько лет до омерзения знакомое и все же абсолютно чужое. И вновь кровоточащие звезды...

Я позволила себе закричать, не в силах больше сдержаться.

Утром, очнувшись после успокоительных, я сразу же кинулась записывать всё, что смогла вспомнить, так подробно, насколько позволял мой словарный запас.

Глава 9

«Сегодня вторник, с прошлой пятницы у меня был всего лишь один приступ, который мне удалось самостоятельно прервать!»

Эту запись я сделала с особой гордостью за себя, потому что это была правда. Я смогла отстраниться от своего видения и в нем вызвать другое – образ моей спасительной Вселенной. Я думала только о том спокойствии и просторе, что она несла с собой. Я позвала её, и она пришла ко мне, моя спасительница, Моя Вселенная.

Меня огорчала мысль о том, сколько времени было потеряно в поисках этого спасения. Почему этого не произошло чуть раньше?! Моя семья осталась бы целой, я не пропустила бы такой огромный период жизни моих деток.

Главное – не поддаваться этим пессимистичным размышлениям, а сосредоточиться на закреплении результата. Нужно было обуздать мой недуг, нужно было вернуть себе потерянную жизнь!

«Не хочу переписывать свою историю болезни, но не могу не сказать о том, сколько было испробовано методов лечения. Таблетки, уколы, групповая терапия, индивидуальные беседы, различные методики...»

– Да, да... Наркоты в тебя много вкололи!

Нинка опять читала из-за моего плеча, как же это меня бесит, просто не передать!

– Да что ты ко мне привязалась?! – возмущенно воскликнула я и захлопнула свои записи.

– Мужика тебе надо!

– Уж этого у меня всегда было вдоволь...

– Видимо, нет, – ухмыльнулась Нинка. – Ты ж у нас святоша, налево не ходила, вот от однообразия и свихнулась, – моя умудренная опытом в сфере блуда соседка сделала важное лицо и тоном эксперта заявила: – Если уж отдаваться с такой идиотской преданностью мужику, то он должен быть настолько офигенным, чтоб оргазм до обморока, и желательно каждый день.

– Дура ты! – махнула я на нее рукой и опять уткнулась в свои записи. Вдохновение меня покинуло. Как можно было сосредоточиться на вменяемых вещах после столь емкой лекции про нехватку в моей жизни мужиков? От негодования я не смогла усидеть на месте и быстрым шагом вышла из палаты. Дойдя до окна, я несколько раз прошлась вдоль него туда-сюда и уселась на подоконник. Мысли разбежались по разным углам и не желали собираться вместе. Ненавижу Нинку за это, любое её слово выводит меня из себя и лишает самообладания. Через некоторое время я смогла сосредоточиться на проплывающих по небу облаках. Они были кучевыми, пышными, белоснежными, быстро движущимися, словно флотилия огромных боевых кораблей.

В чем-то Нинка оказалась права: Максим не был тем самым мужчиной, он не принц на белом коне, я никогда не любила его настолько, чтобы забыть обо всех и обо всем, но все же он был моим мужем, он был отцом моих детей, он любил меня когда-то, и за это я платила ему верностью. Но, может быть, подобное самопожертвование и вправду сыграло свою роль в происходящем с моим разумом. Как бы то ни было, Макс был моей семьей, и я не хотела его терять.

Возвращаться в палату не хотелось, Нинка наверняка подготовила для меня какое-нибудь пренебрежительное приветствие, но выбора у меня не было.

– Проветрилась? – лыбилась моя соседка, смотря, как я вхожу в комнату. – А то я по тебе уже соскучилась.

– Что-то частенько ты по мне скучаешь, – заметила я.

– Верно, – кивнула она, – ты всегда была занудой, а сейчас тебя не узнать! Неужели решила встать на путь исправления и выйти отсюда?

– Ах, мечты, мечты, – с тоской ответила я.

– Да ты сама подумай, чего делать-то на воле будешь? Домохозяйничать опять? Тоска! Рутинка!

– А тут с тобой, что, курорт?! – негодовала я.

– Сколько лет ты не жила нормальной жизнью?

– Слишком долго... – грудь сдавила тоска.

– Вот именно! Слишком! Спорим, ты уже не сможешь жить как прежде, даже если избавишься от своих припадков! – с вызовом сказала Нинка.

– Вот избавлюсь... И увидишь, стерва ты тупая, увидишь, что я смогу! – приняла я вызов.

– Ну-ну... Так тебя отсюда и отпустили, – ехидно рассмеялась моя соседка.

Я не стала ей ничего отвечать, подошла к тумбочке, схватила тетрадь и ручку и, демонстративно не обращая на нее внимания, села писать.

«Так вот. Мое лечение. Как уже говорил мой психиатр, Нинка была частью моей терапии. Вернее, моя к ней неприязнь, которая якобы держала меня в реальности. Думаю, это крайне сомнительная попытка влиять на мое восприятие нормальности.

Препараты, которыми меня постоянно накачивают... иногда мне казалось, что они помогают, но это невероятный самообман. Каждый раз, как они перестают действовать, становится ещё хуже. Очевидно, что ни личные беседы, ни групповые занятия не помогли, от таблеток состояние депрессии только усиливается. Единственное, что дало положительный результат, – это этот самый дневник. Я так долго сопротивлялась, не желая писать его, но именно он привел меня к надежде, хоть и слабой, на улучшение моего состояния.

Теперь, чтобы закрепить результат, я хочу научиться уверенно управлять видением Моей Вселенной. Именно оно помогает мне выйти из забвения. Возможно, оно же может помочь мне избегать приступов, предупреждать их ещё до их начала. Это невероятно сложная задача, ведь для этого нужно сосредоточиться, а как это сделать, когда моя соседка ни на минуту меня не оставляет?»

Следующую запись я сделала в четверг утром. Руки противно дрожали от возбуждения.

«У меня получилось! Получилось! Я видела её, и без всякого приступа. Это невероятно! Когда я почувствовала, что комната начинает исчезать, я закрыла глаза и вызвала в своей голове видение – бесконечное темное пространство, а в центре медленно кружилась она – галактика, Вселенная, не знаю, как ещё это можно назвать. Знаю лишь, что когда я открыла глаза, то сидела там же, на своей кровати, и... никакого припадка, никакой боли, только ощущение покоя внутри».

Павел Олегович неизменно улыбался.

– Превосходно! – заключил он, дочитав последний абзац моих записей. Меня переполняла гордость за себя, потому я не могла сдержать ответную улыбку. – У вас действительно за неделю не было ни одного приступа, Кирочка. Это поистине удивительно.

– Что это значит для меня? – воодушевленно спросила я.

– Не хочу вас обнадеживать... – доктор немного помедлил. – НО если и на следующей неделе будет подобный результат, то можно будет говорить об ослаблении режима.

– То есть? – настороженно уточнила я.

– То есть, возможно, не могу обещать, я позволю вам прогуляться за пределы нашей больницы, – сказал Павел Олегович, а затем осторожно добавил: – Для начала.

Я не выходила за периметр так долго, мечтая об этом каждый миг, проведенный здесь, но вот когда такая возможность стала реальной, она до чертиков напугала меня. Видимо, в глубине души я уже и не верила, что это когда-нибудь случится.

– Взволнованы? – не уверена, что это был вопрос.

– Да, – призналась я. – Я так долго этого ждала...

– Советую успокоиться, постарайтесь сейчас об этом не думать, а то ненароком навлечете на себя новый приступ, и я буду вынужден все отменить.

– Нет-нет, я в норме, – заверила я. – Просто мне нужно немного времени.

– У вас есть неделя, Кирочка. Удивите меня, а самое главное, себя.

– Да, – кивнула я. – Теперь, когда я поняла, что нужно делать, я смогу... Нас удивить.

Мы улыбнулись друг другу, и я пошла к себе в палату. Волнение захлестнуло меня, я почти ничего не соображала: «...могу вернуться домой на самом деле!» – крутилось у меня в голове.

Глава 10

Я стою перед входной дверью в свою квартиру, мои дети стоят в шаге от меня и ждут, когда я войду и заключу их в объятия. Мне не хватает воздуха, чтобы сделать вдох, волнение встало комом в горле. Мое положение временное, отпустили меня лишь на неделю, ну, или до первого приступа. И сейчас это было неважно, гораздо важнее – вспомнить, как дышать.

Я осмелилась наконец приподнять ногу и перенести её через порог. Ещё шаг – и я оказалась в объятиях трех пар теплых родных рук. Кровь шумела у меня в ушах, сердце выпрыгивало из груди – наконец-то я дома.

Я не была здесь уже очень-очень давно, конечно же, все изменилось, но в основном обстановка была той же. Я медленно обошла комнату за комнатой, в животе трепетали бабочки, но где-то в сердце скулила и скреблась тоска – это мой дом, здесь живут самые дорогие мне люди на свете, но, как бы это ни было противно, Нинка в чем-то оказалась права: роднее моего дома мне стала больничная палата. Может, это, конечно, первое впечатление и через минуту все пройдет? Но вот прошла минута, другая, наступил вечер, и мы сели ужинать, а это паршивое чувство не проходило. Наверно, оно прокралось и в мой взгляд, потому что Лёша, долго приглядываясь ко мне, наконец спросил:

– Мам, ты как?

– Я? – как можно веселее переспросила я, прекрасно понимая, что он имеет в виду. – Я в очень приятном шоке, сынок. Дай мне время, уверена, утром будет все ещё волшебнее, чем сейчас.

Мы подбадривающе улыбнулись друг другу.

Максим первые пару часов после моего прибытия тенью ходил подле меня, а потом уехал на какую-то деловую встречу. Вскоре после этого приехали мои родители и долго-долго обнимали меня, плакали, задали уйму вопросов, на большую часть которых у меня не было ответов. Сейчас все мы сидели за столом и пили вкусный черный чай с мамиными блинчиками.

После ужина дети занялись посудой, отец уселся перед телевизором, а мама взяла меня под руку и повела в спальню, бывшую когда-то моей и Максима.

– Доченька, – сказала мама, обняв меня за плечи, когда мы уселись на край кровати. – Я не хочу взваливать на тебя все разом... – она немного помялась и продолжила: – Но хочу спросить: ты знаешь про Таню?

Ах да... Таня... Я успела про нее позабыть в буре эмоций теплого приема.

– Знаю, – коротко ответила я.

– Бедная моя девочка! – запричитала мама.

– Перестань, – одернула я её. – Мы взрослые люди и понимаем, что я слишком долго отсутствовала... А этому дому нужна хозяйка.

– Хозяйка этого дома – ты! Ты не просто отсутствуешь. И я знаю, что ты все это время боролась за то, чтобы вернуться домой. А он... не дождался...

– Все не так просто... – попыталась объяснить я.

– Вы, конечно, взрослые люди, но так и я не младенец и кое-что понимаю, – обиженно заявила мама.

– Давай закончим этот разговор, – настойчиво предложила я. – Это очень важный для меня момент, и я не хочу его портить.

– Да-да, как говорила Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра».

– Именно...

Я обняла свою маму, как же было приятно поболтать с ней, забраться под крыло, прижаться, почувствовать себя под защитой, почувствовать себя дома.

Уже стемнело, родители пошли домой, а я уложила спать детей. Я так долго ждала этого – поцеловать каждого перед сном, полежать с младшеньким, пока он не заснёт, посекретничать с доченькой.

К полуночи дети наконец уснули. Спать в некогда супружеской постели я не смогла, поэтому перебралась на диван в гостиную. Я лежала в темноте, на полке над телевизором мирно тикали часы, сквозь тончайшие занавески с тонким изящным рисунком пробивался лунный свет. Нежное шелковое постельное белье ласкало кожу, уютный домашний аромат окутывал мою душу, убаюкивая разум, рассеивая тягостные мысли, отгоняя кошмарные смутные воспоминания. На мое лицо прокралась улыбка. Я всегда любила свой дом, но сейчас по-настоящему поняла, что он для меня значит.

Щелкнул дверной замок. На часах была половина второго ночи. Максим тихонько проскользнул в квартиру. Не включая свет, он снял верхнюю одежду и прокрался в ванную. Я слышала, как шумит вода, потом тишина, и через несколько минут его темный силуэт возник в дверном проеме. Наверно, он решил, что я легла в спальне, и, не желая меня беспокоить, решил спать на диване.

– Можешь идти на кровать, – прошептала я.

Макс охнул от неожиданности, потом еле слышно выругался и замер на месте, раздумывая, как поступить.

– Я думал, ты там спишь, – так же шепотом ответил он.

– Я пыталась там уснуть, но не смогла.

– Ясно, ладно, не буду тебе мешать... – после этих слов он развернулся и сделал шаг в сторону двери, но остановился на полпути.

– Ты мне не мешаешь, – сказала я, видя, что он не хочет уходить и не знает, как остаться. Макс медленно вернулся к дивану и сел на край.

– Как тебе дома?

– Даже лучше, чем я ожидала.

– Я рад... – это прозвучало немного фальшиво, совсем чуть-чуть, но мне стало не по себе.

– Спасибо, – уже без энтузиазма ответила я. Макс, видимо, понял, что задел меня, и теперь в воздухе висело неловкое молчание.

– Прости, я, правда, очень рад...

Нужно было что-нибудь сделать, чтобы разрядить неловкость момента, да и не только ради этого, но для того чтобы сделать первый шаг на пути к возвращению себя в семью. Я резко села на постели, так что мое лицо оказалось всего в паре сантиметров от его лица. Давно я не чувствовала тепло его дыхания на своей коже, оно будило во мне прежнее желание, которое неизменно вызывал во мне мой мужчина. Его губы приоткрылись, я больше чувствовала, чем видела его пристальный взгляд. Одно уверенное резкое движение – и вот мы в объятиях друг друга сливаемся в опьяняющем поцелуе. Макс подхватил меня на руки и быстрым шагом отнес в нашу спальню, ногой захлопнув за собой дверь.

Меня разбудило яркое теплое летнее солнце, нагло влезшее в открытое окно. Утренняя прохлада ещё доносилась от окна, но уже начала таять в коварных солнечных лучах.

– Доброе утро... – голос Максима раздался совсем близко, на мое лицо упала его тень. Я дотронулась до его лица, и счастье прямо из сердца выползло на мое лицо довольной улыбкой.

– Доброе...

– Как спалось?

Я нашла глазами часы на комодке.

– Ты про те четыре часа, что оставил мне под утро?

Мы тихо рассмеялись, руки Макса сошлись на моей спине, а я покрыла его лицо поцелуями.

Весь следующий день был под стать утру: поздний завтрак с детьми, трехчасовая прогулка всей семьей по городу, непрерывные разговоры на самые разные темы, не включающие в себя истерики, пошлости, дикий мерзкий смех и тому подобное, изобилующее в моей повседневной жизни последние два года. После шикарного вкуснейшего обеда Максим уехал на какую-то очередную деловую встречу, Алёшка убежал на свидание к своей девчонке, а мы с Серёжкой и Машей остались дома, расположившись возле телевизора в гостиной. В выборе программ я не участвовала и с удовольствием смотрела то, что выбирали дети. Ужин прошел так же бурно, как и вчера. Мои родители снова пришли в гости и принесли с собой мой любимый шоколадный торт, испеченный собственными руками, – объеденье. Максим вернулся пораньше, даже успел на десерт. Два дня даже намек на ухудшение моего состояния, как будто ничего и не было.

Ближе к полуночи мы с Максом остались одни на кухне. Вид у него был уставшим и озадаченным. Я застала его врасплох, когда он повернулся, закрыв дверцу шкафа, в который поставил натертые бокалы. Я подошла к нему вплотную и заглянула в глаза, спрятать взгляд он уже не мог, поэтому молча смотрел на меня, явно не зная, что сказать.

– Я так понимаю, сегодня спать мы будем отдельно... – это был даже не вопрос.

– Кира... я... – подходящих слов он так и не нашел.

Я отошла от него на шаг.

– Ты не собираешься спасти наш брак, – констатировала я. – Даже если меня выпишут насовсем. Прошлая ночь была спонтанной и... прощальной. Не так ли?

Макс сделал шаг вперед и взял мое лицо в свои ладони.

– Все не так. Я полюбил тебя с первого взгляда и до сих пор люблю. Но прошло уже столько времени, и Таня...

– Не надо. Я пошла спать, – внутри у меня все тряслось от волнения, но лицо оставалось спокойным, лишь глаза стали чуть влажными. Трудно описать тот момент, когда понимаешь, что последняя надежда потеряна. Макс перестал быть моим в тот миг, когда попросил развод, но все же мне казалось, если я вернусь домой, то ситуация изменится.

Максим поймал меня за руку, когда я двинулась в сторону своего дивана. Мне вдруг стало так обидно за себя, что я не смогла сдержаться и вырвала руку из его неуверенной хватки.

– Мне не нужна твоя жалость!

Этими словами закончился мой второй день дома. Иллюзия нормальности начала потихоньку таять. Отголоски отчаяния на мгновение вернулись, вызывая в моем нестабильном сознании ноющую боль.

Утро третьего дня было солнечным, я расцеловала деток и отправилась готовить завтрак. Макса дома не было, и, насколько я поняла, в течение всего дня он не появится. Так и случилось, более того, он не появился даже к ужину. Ещё два дня прошли в том же режиме: я, мои детки и родители. В два часа шестого дня моего пребывания дома в дверь вошел Макс, поприветствовал всю нашу дружную компанию, сидящую за обеденным столом на кухне, и, прочистив горло, представил особу, вошедшую вслед за ним. Представление это было индивидуально для меня, так как остальные были с ней уже знакомы.

– Кира, это Таня.

Я молча кивнула, разглядывая будущую супругу собственного мужа. Она была ниже меня ростом, белокожая, со светло-русыми волосами до плеч. Лицо её было довольно миловидное с большими серыми глазами, в которых читалось некоторое смущение.

– Тетя Таня, привет! – замахал ей рукой Серёжа. Машка ткнула его локтем в бок. – Ты чего? – возмутился он.

– Потом поймешь, а пока заткнись, – шикнула на него Машка.

Меня так умилила её забота, что все негативные чувства к Тане пропали.

– Перестань, доченька, все хорошо, лучше принеси ещё два прибора на стол.

Маша задержалась на мне взглядом, но послушалась и пошла за тарелками. Макс жестом пригласил Таню за стол, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Я наблюдала за тем, как они усаживаются, когда почувствовала, как мое сознание медленно погружается во тьму. Резко встав из-за стола, я быстрым шагом направилась в ванную и трясущимися руками закрыла за собой дверь на замок. Мне почти удалось продержаться эту неделю без приступов, но вот небольшое потрясение – и я опять падаю в эту жуткую яму. Я села на пол, облокотившись спиной на светло-серый кафель с нежным ненавязчивым узором, и закрыла глаза. Мысленно я пыталась вызвать у себя тот спасительный образ, что был способен выдернуть меня из моих кошмаров.

– Моя Вселенная. Моя Вселенная... – бормотала я в надежде на спасение.

Вся правая половина начала болеть, жуткий страх, зарождающийся где-то в груди, растекался по телу.

– Моя Вселенная...

Темный бесконечный простор, медленно плывущие звезды, бодрящая прохлада и покой... Умиротворение пришло ко мне раньше, чем я потеряла себя в пучине хаоса моих видений.

В отдалении послышался стук.

– Кира!

– Мама, открой!

Открыв глаза, я оказалась на полу ванной комнаты, отделанной светло-серым кафелем.

– Уже иду! – отозвалась я. – Все нормально, я скоро! – голос мой звучал почти уверенно, а где-то в мыслях я ещё ощущала присутствие того удивительного покоя.

Выйти мне удалось лишь через несколько минут, когда ноги вновь согласились держать меня. У входа в ванную меня встречала вся моя обеспокоенная семья, Тани нигде не было видно.

– Как ты? – поинтересовалась мама.

– Отлично, – с улыбкой на лице соврала я. Взглянув на часы, мне стало ясно, что мое отсутствие продлилось примерно двадцать пять минут. – Наверно, что-то на завтрак не то съела.

Дети успокоились, родители сделали вид, что успокоились, и все разошлись по своим делам.

– Ты ведь врешь? У тебя был приступ? – серьезно глядя на меня, спросил Максим.

– Я научилась чувствовать их приближение и справляться с ними, – заявила я, желая побыстрее избавиться от его компании.

– Прости, что привел её без предупреждения, но вам нужно было познакомиться...

– Ну, вот и познакомились, – перебила его я. Нежелание мужа попытаться спасти нашу семью, просто вычеркнув меня из уравнения, привело меня в бешенство. Все случилось внезапно, я не ожидала второго приступа подряд, все мое внимание было обращено в тот момент к Максиму и его новой пассии. Тьма не наползала потихоньку, я просто рухнула в нее, как в ловко замаскированную ловушку. Пол ушел из-под ног, и я оказалась на каменистой равнине, и со стороны горных хребтов на горизонте в мою сторону неслись страшные кровожадные чудовища...

Глава 11

От того приступа, что внезапно настиг меня дома, я очнулась только в больнице под действием успокоительных. Я не успела попрощаться ни с детками, ни с родителями, ни толком объясниться с мужем.

Как же гадко было видеть мелкую сеть трещин на потолке, похожую на паутину, в отсветах фонаря с больничной ограды. За окном была ночь. Знакомый больничный запах бил в нос и по моему самолюбию. Я была так зла на себя и на мужа за то, что позволила ему вывести себя из равновесия. Весь труд последних недель свёлся на нет лишь из-за появления на пороге моей соперницы.

Рядом раздался жуткий звук, понадобилась секунда, чтобы понять, что это храпит Нинка.

Слезы буквально брызнули у меня из глаз, горло свело, моё тело затряслось, паутина на потолке поплыла и начала превращаться в звериную пасть, которая медленно раскрывалась, обнажать длинные острые зубы и вдруг бросилась на меня. Я почувствовала новое для себя ощущение – острую боль в груди, как будто в сердце попал клык моей воображаемой зверюги. Я провалилась в пустоту.

Рядом с местом, где я лежала, раздавались тихие неровные шаги, кто-то что-то тихо делал. В теле была давящая изнуряющая слабость, открывать глаза вовсе не хотелось. Тут возник ещё один звук, четкий, ритмичный: «Пик-пик-пик».

Шаги стали чаще и начали удаляться.

– Катя, позови Петра Ивановича, пациентка просыпается, – раздался женский голос, видимо, из-за двери. Значит, я была в больнице. Но голоса медсестры я не узнала. Сделав над собой усилие, я решила приоткрыть глаза. Свет был яркий, дневной, и лился он из большого пластикового окна. Вокруг мигало много странных аппаратов, провода от которых тянулись ко мне. В двери показался мужчина в белом халате, средних лет, худощавый, темноволосый. Больше ничего рассмотреть я не смогла – глаза самопроизвольно закрылись.

– Здравствуйте, Кира Юрьевна, меня зовут Петр Иванович, я ваш лечащий врач, – быстро забормотал тихий мужской голос. – Вы меня слышите?

– Угу, – тихо промычала я.

– У вас в момент очередного припадка случился сердечный приступ. Сейчас вы стабильны, Кира, но я настоятельно рекомендую вам как можно меньше волноваться, – врач сделал паузу, затем продолжил: – Скоро подойдет ваш психиатр, Павел Олегович, а пока отдохайте. Старайтесь без надобности не двигаться, – вновь пауза. – Кира Юрьевна, вы поняли то, что я вам сказал?

Я вновь сделала усилие и посмотрела на доктора, чье имя уже позабыла.

– Да, – хрипло прозвучал мой ответ.

– Хорошо, – кивнул доктор и, сделав запись в карточке, вышел за дверь моей палаты.

Ровное монотонное пиканье аппарата, вторящего моему сердцу, усыпило меня. Я медленно плыла в темноте. Временами мимо пролетали полупрозрачные, еле различимые образы, картинки моей жизни, обрывки видений, лица. Чаще всего это были лица Серёжи, Маши и Лёши. Затем мне показалось, что меня кто-то беззвучно зовет. Ни звука не было произнесено, но все же я знала, что меня ищут. То и дело во тьме забвения начали проглядывать звезды, они становились все многочисленнее и ярче. Они закружились вокруг меня, образуя непреодолимое мерцающее кольцо. Мне стало казаться, что в бликах звездного света возникает и исчезает чей-то образ. Именно его зов я ощущаю, но не слухом, а душой.

– Где же ты? – позвала я в ответ. – Покажись!

Звезды завертелись ещё быстрее, настолько, что слились в единое целое, и тьма вокруг меня обратилась ярким светом.

– Кира.

Тишина.

– Кира Юрьевна, – Павел Олегович настойчиво вытягивал меня из мира грез, полного мира и покоя. В теле чувствовалась беспомощная слабость. – Вы меня слышите?

– Идите к черту... – я услышала свой голос будто со стороны, это был, скорее, хриплый шёпот.

– О! Милая моя, да вы уже ругаетесь. Что ж, видимо, идете на поправку, – я не видела его, но знала, что на его лице все та же неизменная улыбка. Я могла бы взглянуть на него, но мне не хотелось открывать глаза. Все, что угодно, лишь бы не видеть больше больничных стен. – Не желаете взглянуть на меня, Кирочка?

– Нет, – в голосе моем звучало больше уверенности, однако он все ещё казался чужим.

– Не буду настаивать, – легко сдался доктор. – Я назначил вам новые лекарства, которые помогут вам поберечь расшатавшееся сердечко. Будете больше и спокойнее спать.

В ответ я лишь слегка пожала плечами.

– Отдыхайте. Позже мы непременно с вами побеседуем, как только Петр Иванович сочтет это безопасным для вашего здоровья. Сейчас я хотел бы задать только один вопрос: видите ли вы сны?

Я помедлила, не хотелось, чтобы он отнял у меня мои видения, а это было вполне в его власти.

– Вижу, – коротко ответила я.

– Помните, милочка: это всего лишь сны...

– Да...

Шли дни. Недели. С момента моего визита домой прошло больше пяти месяцев. Дабы избежать новых припадков, любой из которых мог бы меня убить, Павел Олегович пичкал меня какими-то убойными успокоительными, так что я почти все время находилась в состоянии отсутствия. Призрачные картины проплывали мимо меня во тьме, тишине и покое. Поначалу образы из прошлого вызвали у меня яркие эмоции: любовь, радость, грусть, злость, тоску, но со временем видения побледнели, стали просто мутными облаками, медленно летящими мимо. Внутренний зов и звездный свет являлись ко мне все реже.

Знаете, такое чувство, когда вы знаете, что у кого-то из соседей звонит телефон. Вы знаете, что это телефон, хотя даже толком мелодии звонка разобрать не можете. И возникает интуитивное желание снять трубку. Несмотря на то что вы можете даже не знать, из какой квартиры исходит звук. Просто где-то на подсознательном уровне ваш разум откликается на раздражитель. И вы уже не можете не обращать на него внимание.

Вот и у меня так. Я как будто что-то слышу, и это вроде бы меня даже не касается, но я продолжаю прислушиваться, пытаюсь разобрать слова.

Шепот. Нет, не шепот. Голоса разные. Мне даже кажется, что все они мне знакомы.

Иногда я не слышу их. Особенно под действием таблеток. А бывают времена, когда они наполняют все пространство вокруг, будто я стою в центре огромной толпы. Но даже тогда удается уловить лишь обрывки фраз. «...иду... следую за тобой... мне страшно... отпусти меня... веди меня... Не бросай...».

Наверно, побочные действия от какой-нибудь терапии, слишком много коктейлей из лекарств.

Доктору я о них не говорю, но он наверняка знает, Нинка такие вещи скрывать не умеет!

Шум в эфире...

Реальность сбивается на соседнюю волну...

Я больше не могу бороться!

Нарастает чувство: это все не моя жизнь! Я как будто раскалываюсь на множество кусочков! Привычный когда-то для меня мир отторгает меня, а я его.

Наверно, именно так люди сходят с ума. Нужна ли для этого особая причина?

Мои мысли зашли в тупик. Я просто лежала на кровати, уставившись в потолок, не видя его. Перед моими глазами возник макет нашей планеты, игрушечный, мультяшный, и он начал искажаться, растягиваться и сплющиваться. А потом – бах!

– Кирочка, я должен вам сообщить, что собираюсь отменить некоторые лекарства. Ваше состояние и поведение на данный момент вполне это позволяют, – заявил Павел Олегович, прогуливаясь со мной по осенней траве внутреннего двора психушки.

– Чудно, – отрешенно ответила я. Его слова мало что значили, мое внимание больше занимала радуга на сером затянутом тучами небе. Она была такой... выбивающейся из монотонности окружающего мира, видимо, потому что лишь мерещилась мне.

Через пару дней после нашего разговора с доктором я ощутила на себе эффект отмены мощных успокоительных. Мир начал возвращаться ко мне, а я к миру. Первое яркое чувство, что вернулось ко мне, было негодование от общества моей неизменной соседки. День за днем я все больше окуналась в реальность происходящего, а через неделю состоялось мое первое свидание с детками после моего неудачного возвращения домой.

Вслед за способностью чувствовать вернулись и мои приступы. Они стали ещё более болезненными, ещё более неуправляемыми.

Почти постоянно со мной были и голоса. Они не приносили мне ни радости, ни боли. Просто были рядом. Хотя Нинку очень веселило, когда я рефлекторно отвечала на мерещащиеся мне вопросы.

Я списывала тетрадь за тетрадь и делала это не в качестве терапии, а потому что не могла иначе. Однако о голосах старалась не упоминать. Рука не поднималась написать о них.

Как-то ночью приснился сон, самый жуткий кошмар в моей жизни, с которым не мог сравниться ни один приступ, ни одно видение. Я проснулась в поту, челюсть свело от того, с какой силой я сжимала зубы. Подушка была мокрой от слез, лившихся из моих глаз. Из груди вырывался стон плачущей души. Дрожащими руками я обхватила поджатые к груди колени, уткнувшись в них носом. Глаза я старалась не закрывать, снова и снова оглядывая полумрак больничной палаты, пытаясь убедить себя, что это был всего лишь сон. Как бы я была рада сейчас очередному приступу, который заставил бы меня забыть увиденное хоть на некоторое время, но он не наступал. Тогда я сделала над собой усилие и дотянулась до тумбочки.

«Не знала, что сны бывают такими реальными. Мне приснилось, что я держу на руках младенца, крохотную недоношенную девочку. Она была такой настоящей... до сих пор чувствую её тепло на своей коже. Мне снилось, что она не могла дышать, хрипела, слегка подергивалась, что-то внутри мешало ей. Мне снилось... что я взяла её за шейку...»

Больше ничего написать я не смогла. Ручка выпала у меня из рук. Сквозь застывшие глаза слезы я смотрела на свои пальцы. Мне казалось, что я чувствую ими слабенький пульс. У меня возникло жгучее желание отрубить собственные руки, чтобы эти ощущения наконец прекратились. Жуткий истошный нечеловеческий вопль вырвался из моей груди.

Остальное я как будто наблюдала со стороны. В палату тут же вбежала Марина, и в моем плече оказалась игла. Долгожданное забвение, темнота и пустота окутали меня.

Когда я пришла в себя, Нинка незамедлительно сообщила, что меня держали в состоянии овоща четыре дня.

Глава 12

Сегодня четверг, как обычно у меня по четвергам беседа с Павлом Олеговичем. После четырех дней в постели мое тело плохо меня слушалось. Нинки почему-то в палате нет, и мне выдалась возможность спокойно подготовиться к визиту к врачу. Выпив таблетки, выданные Мариной, я отправилась в столовую на завтрак. Нинка сидела за дальним столом в окружении своих подружек и над чем-то очень громко ржала. Мне удалось спокойно поесть, и с этим я и направилась на прием к своему психиатру.

Павел Олегович стоял у окна и тут же обернулся, когда я переступила порог его кабинета.

– Кира Юрьевна! Проходите-проходите, присаживайтесь, – воодушевленно поприветствовал он меня.

– Здравствуйте, – произнесла я в ответ.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался доктор.

Полным ничтожеством – вот как я себя чувствовала.

– Нормально, – ответила я вслух, пожав плечами.

Мужчина в белом халате положил передо мной мою тетрадь для записей.

– Помните ли вы свою последнюю запись здесь?

О да, я отлично помню эту запись, хотя шок уже прошел, приступ и лошадиная доза успокоительных на четыре дня сделали свое дело, но груз вины, свалившийся на мои плечи во время того видения, все ещё давил на меня.

– Кира... – окликнул меня Павел Олегович.

– Да... Да, я помню... – поспешила ответить я.

– Всего лишь сон, Кира. Это был лишь сон, ночной кошмар, – голос доктора звучал твердо, уверенно и ласково.

– Я знаю, Павел Олегович. Знаю. Но он был такой...

– Реальный? Да, милая, но он уже кончился. Исчез вместе с восходом солнца.

За окном и вправду светило осеннее солнце, беззаботно блуждая в желтой листве на пару с прохладным ветерком.

– Почему?

– Что почему, Кирочка?

– Почему это происходит со мной?

– Природа подобных явлений... – начал было читать мне лекцию по психологии доктор, но я смерила его тяжелым взглядом. Мне не нужны сложные термины, лишь простой ответ на уровне моего сознания.

– Это болезнь, Кирочка, – ответил доктор, – как и многие другие, которую мы пытаемся побороть.

– Кто-то чихнул, и мой мозг сломался? Как и вся моя жизнь? – с негодованием спросила я.

– Вам хочется найти виновного в вашем состоянии, это свойственно всем людям. Но лучше искать не виноватого, а решение проблемы.

– Прошло уже шесть лет! – выпалила я. Из глаз моих хлынули слезы. – Шесть лет! Я потеряла все! Что со мной, доктор?! Прошу вас, помогите мне!

Павел Олегович обнял меня за плечи.

– Я помогу вам, милая. А вы помогите мне. Будьте сильной.

На этот раз мне удалось успокоиться без успокоительных. Санитарочка проводила меня в палату. Я улеглась на кровать на живот и начала очередную запись в дневник.

«Помню ли я свой сон... ещё бы его не помнить. А ещё я помню, что завтра пятница – день свиданий. Я выносила, родила и вырастила троих детей, и потому мой сон особенно

ужасен для меня. Жизнь и здоровье ребенка – основополагающие ценности в моей жизни, и вдруг я вижу, как собственными руками душу младенца!»

– Меня трясло от собственных мыслей. Буквы плясали и не попадали в строки.

– Ох, и правда, сестренка! Жуть-то какая. Может, это тебя от новых таблеток так прет? Надо же, детёнка укокошить! – лохматая голова моей ненавистой соседки нависла над моим плечом.

В ответ ей я зарычала, от негодования у меня вновь защемило в груди. Решив, что она не стоит моей жизни, я попыталась абстрагироваться и дышать глубже.

– Ой! Уже рычать начала...

– Прекрати, Нинка! Да что тебе от меня надо? Иди-ка к своим подружкам сходи или предложи себя какому-нибудь санитару, вдруг сегодня твой день, – попыталась я договориться с соседкой по-хорошему.

– Нет, подружка ты моя дикая, Ромка сегодня не в смене, а без него скука смертная.

– Тогда займись ещё чем-нибудь, прошу тебя! – взмолилась я.

– Да ты что, нет ничего занятнее, чем твои бредни читать. У тебя в голове ещё больший бардак, чем у меня.

– Рада, что потешила, а теперь я ложусь спать, – заявила я, убирая тетрадь в тумбочку.

– Спать? Обед скоро!

– Ну, значит, подремлю минут пятнадцать...

– Нее... – с этим противным звуком она плюхнулась рядом со мной. – Прекрати занудствовать, после обеда поспишь, если уж так хочется. Надюха сейчас на процедурах, что мне прикажешь, одной по коридору шататься? Как сумасшедшей?! – после этих слов она заржала и даже хрюкнула пару раз.

Шёпот. Или мне только кажется? Нет, всё верно.

– Что? – уточнила я у голоса за кадром, который звучал громче обычного.

– Ну ты, мать, ваще! Опять с ними болтаешь?

Голос Нинки был явно громче того, что вовсе и не было голосом, но я не обратила на него внимания.

– Ты отведёшь меня, госпожа? – слышалось мне.

– Я жду тебя... – сказал другой голос.

– Дорога длинна...

– Следую за тобой...

– Мне страшно...

Громкость шума нарастала. Я зажала уши, но, как и всегда, это не помогло! М-м-м... как же они галдят!

– А может быть, и нет... может, их нет?! Я ведь их не слышу... но слышу...

– Есть-есть! Ты так громко бредишь, что даже я скоро начну их слышать.

Я посмотрела на Нинку, она шевелила своими тонкими губами, значит, как минимум один голос принадлежит ей.

– Хоть ты заткнись.

– Так ведь только я тут и есть! – и она снова противно заржала.

Всё пропало. Осталась только Нинка.

– Слушай, Ниночка, давай завтра повеселимся, вечером, а? – всё ещё пыталась я с ней договориться, когда эффект внезапно усилившегося гула прошел.

– Хочешь казаться паинькой, чтоб на свиданку с детишками пустили? – смеялась Нинка. – И это после того, что ты понаписала? Не говоря уж о том, что ты выдумала себе друзей, о которых никому не рассказываешь? Так, может, я тебе одолжение сделаю, если выведу тебя из себя сейчас, а? А то сорвешься завтра да пооткручиваешь своим малюткам головешки.

Моему терпению пришёл конец. Я схватила эту тупую тварь за волосы и со всей силой, что ещё оставалась в моих руках, долбанула её о тумбочку. Нинка истошно кричала, а после удара замолкла, лицо её залилось кровью.

Санитарка Марина ворвалась в палату и молниеносным движением вывернула мне руки так, что я не могла пошевелиться. Дарья, подскочив следом, воткнула в меня шприц, и комната поплыла перед глазами.

Глава 13

– Кирочка! – произнес доктор. Невероятно! Даже сейчас он улыбался и говорил невероятно спокойно, я бы сказала, даже как-то слащаво. – Мне кажется, мы вас стремительно теряем. В чём же дело?

– До сих пор не могу понять, зачем вы подселили ко мне эту... – я не нашла подходящего слова, которое можно было бы произнести в присутствии Павла Олеговича.

– Затем, милая, что наша Нина всё это время помогала вам, хоть и довольно специфическим методом, не отрываться надолго от реальности. Ваша к ней неприязнь настолько реальна, что держит вас в Этом Реальном мире как якорь.

– Вы ещё безумнее меня, если вправду верите в это.

– Давайте-ка вспомним, – при этих словах он достал из лежащей перед ним папки с моей историей болезни листок бумаги и положил его на стол так, чтобы я могла прочесть написанное на нём, – что вы сами добровольно пришли к нам, когда начали беспокоиться о том, что ваше пошатнувшееся здоровье может навредить вашим близким. И так же добровольно вы подписали это, – он указал на листок, – вы согласились с тем, что я буду оценивать ваше психическое здоровье и регулировать ваше общение с окружающим миром...

Эти слова мне совсем не понравились. Было в них что-то... предательское!

– ...в том числе, и особенно, с вашими детьми... – он произносил слова медленно, осторожно, внимательно наблюдая за моей реакцией.

– Что вы хотите сказать?! – я знала, что он хочет сказать, но боялась даже мысленно произнести эти слова.

– Я хочу сказать, что, что бы мы ни делали, вам становится хуже. Даже последние успокоительные, что вам вкололи, подействовали не так, как должны были. И пока мы не найдем способ хотя бы остановить... этот процесс, я вынужден ограничить ваше общение с родственниками.

Мои руки самопроизвольно сжались в кулаки, а на глаза навернулись слезы. Во мне кипела злость... и к этому докторишке, что хотел разлучить меня с моими ангелочками, и особенно к самой себе, потому что, как ни прискорбно, он был прав. Я ненавидела себя за слабость, за то, что не могла взять себя в руки. Реальность не ускользала от меня, но уносилась вдалеку со скоростью света.

Я сунула кулаки в подмышки. Закрыв глаза, я пыталась взять себя в руки и не сорваться в очередной раз. Доктор молчал некоторое время, давая мне возможность прийти в себя после услышанного.

Внутри меня снова возникло это чувство – тоска, а перед мысленным взором в бесконечном пустом пространстве медленно поплыли далекие звезды – целая галактика, она как будто смотрела на меня, наблюдала за мной, оберегала меня, звала к себе – Моя Вселенная.

Я до онемения сжала губы, чтобы не произнести этого вслух.

– Кира, – тихо позвал меня Павел Олегович.

– Я все поняла, – чуть помедлив, ответила я ему, наконец открыв глаза. Все тот же светлый небольшой кабинет, зарешеченное окно, мужчина возраста моего отца за письменным столом – моя нереальная реальность.

– Это хорошо. В палате вы теперь будете одна. Я вынужден ужесточить режим – вы теперь не сможете самостоятельно передвигаться по этажу. Даже в туалет будете ходить в сопровождении санитарки. Это временная мера, но необходимая. Так как вы у нас доброволец, и довольно щедрый, мне не хочется переводить вас в отделение для буйных. Вы же ведь у нас не буйная? – с акцентом спросил доктор.

– Нет, – обреченно ответила я.

– Замечательно! Дарья Сергеевна проводит вас в вашу палату и позже выдаст вам новые лекарства, – он подошел к двери и подозвал санитарку, дав ей соответствующие распоряжения.

– Идем, – сказала Даша, железной хваткой беря меня под руку.

Я не сопротивлялась, даже если бы и хотела, это было крайне невыгодно, здешние церберы были натасканы на усмирение буйных пациентов, связываться с ними означало попрощаться с собственным здоровьем.

В палате уже было убрано. Кровь с тумбочки смыли, Нинкину кровать ободрали, оставив голый матрас. Мою тетрадку с ручкой конфисковали. Я сидела на краю своей кровати и смотрела в окно.

Небо было чистым, окно моей палаты выходило на запад, и сейчас лучи заходящего солнца били в окно, слепя мне глаза, но я все равно не могла отвести взгляда от окна.

Солнце приблизилось к краю стены, ограждавшей территорию больницы, и стало огромным и красным. Моя психушка стояла как раз на западном краю города, поэтому строений за этой стеной больше не было, а она, в свою очередь, служила мне горизонтом. Мне принесли мои таблетки, а затем препроводили на ужин.

Когда я вернулась в палату, солнце уже село, но небо ещё было светлым. Я разглядела на нем несколько первых звезд. А затем начала понимать, что даже те сильные лекарства, которые мне дали, не произвели на меня должного эффекта, потому что сквозь розово-серое небо стала проступать знакомая мне картина – огромная молчаливая галактика, как будто чей-то глаз смотрит мне прямо в душу.

– Кира! Кирюша... – звал меня мужской, низкий, приятный, знакомый до боли голос. Он отличался от шепота на заднем плане. Я не помнила, кому он принадлежит, а может, и не знала, но сердце мое готово было выпрыгнуть из груди и унести на его зов. – Вернись ко мне... Кира... вернись ко мне...

Это было невыносимо. Я схватилась за голову руками и тихо застонала. А он все звал и звал меня... «Вернись ко мне... Кира... Вернись...». Все остальные голоса стихли. Остался лишь он.

Помню, что была ночь. Помню тусклый свет в узком коридоре. Помню, как взяла чью-то одежду, но вот вспомнить, где я её взяла, не могу. А ещё помню, как быстро бежала через кустарник, уже сбросивший листву перед надвигающейся зимой. Было холодно и темно, но многие годы занятий спортом все же сделали свое дело: я бежала, и бежала быстро, и уже не знаю, как долго. Сердце ломило в груди, но все же продолжало биться.

Дорога. Одна попутка сменяла другую. Попутчики попадались разные, кто-то меня даже кормил, а кто-то брал с меня плату... единственную, что я могла предложить...

Я не представляю, где нахожусь сейчас, но знаю, что скоро я найду её, Мою Вселенную. Я чувствую это всем, чем вообще может чувствовать человек, – телом, душой, сердцем, разумом, подсознанием – всем.

– Я найду тебя! Я вернусь к тебе! Моя Вселенная!

* * *

Мои ноги и руки коченеют от холода, но вот я смотрю в его глаза и понимаю, что мои скитания окончены. Левая рука непроизвольно тянется к его лицу.

– Если ты коснешься меня, – говорит мне невероятно знакомый и родной голос, – то вспомнишь то, что так отчаянно пыталась забыть. Кира, ты вновь будешь страдать, а я не хочу этого.

Я не могу остановиться, а он больше ничего не говорит, и лишь во взгляде его неподдельная мука.

Мои пальцы коснулись его щеки, и все встало на свои места. Перед глазами безжалостным ураганом пронеслись истинные шесть лет моей жизни.

А за моими плечами вновь зашелестели крылья.

Мой принц повел меня за руку сквозь пространство, сквозь отражения реальности, в самое Сердце Мира...

Часть вторая. Полумир

Глава 1

На дворе зима, двадцать девятое декабря, суббота. Декабрь в этом году выдался особенно снежным и холодным, сейчас десять часов утра, а температура на улице минус двадцать один градус, и потепления синоптики не обещали. Я включила свой новенький внедорожник, подаренный мужем три дня назад, на автозапуск и отправилась одеваться потеплее. Впереди предстоял долгий день беготни по магазинам в поисках подарков на Новый Год. Список был невероятно длинный, благо в деньгах на счету недостатка не было. Детей из садика и школы должны забрать мои родители, так что весь этот день в моем распоряжении.

Поход по магазинам в предпраздничные дни – ужасно утомительное занятие. Толпы людей, пустые прилавки, огромные цены – неотъемлемые атрибуты приготовления к празднику. С другой стороны, весь город сияет гирляндами, всюду буйство огней и красок, вокруг детские лица, радостные в предвкушении праздника и, конечно же, подарков.

Первым делом я купила набор елочных игрушек, потому что в прошлом году Серёжка умудрился уронить елку, и несколько шариков разбились. Мой выбор пал на полупрозрачные белые шары с нежным невнятным узором, а на них приклеены капроновые ангелочки золотистого цвета. Выглядели они очень нежно и воздушно. Мне на глаза попалось чудное белоснежное платье, как раз нужного размера, для Маши. Пришлось потратить ещё полчаса, подбирая к нему подходящие туфельки. Теперь моя доченька будет самой нарядной принцессой на любой елке. Следом за детским отделом мне попались зоотовары, как раз кстати, ведь для будущего члена нашей семьи нужны были специальные принадлежности: мисочки, подстилка, игрушки, корм, поводок. В спорттоварах я нашла для себя отличные новые перчатки, но после их покупки пришлось вернуть себя на прежний курс: хоть недостатка в деньгах у меня не было, все же следовало вначале купить все запланированные подарки, чтобы не было недоразумений.

Так пролетели почти четыре часа, торговый центр, не до конца удовлетворивший мои потребности в подарках, остался позади. За ним последовали мелкие магазинчики, разбросанные по всему городу. Сидя в кафе, куда заскочила перекусить, я смотрела на свой список подарков: «Максим – кожаная сумка через плечо, Алёша, Маша, Серёжа – щенок, миски для щенка, поводок, корм, три кулька конфет, мама – набор кастрюль для индукционной плиты, папа – плед, родители Максима – картина к новым обоям, Роман – ручная цепная пила, Наталья – набор для рукоделия, Дашенька – набор заколочек для волос, расчески, браслеты, зеркальце, кулек конфет, Ольга – хрустальная статуэтка «Борьба Ангела и Демона», дядюшка и тетюшка – набор новогодних свечей, подруги и знакомые по тренажерному залу и походам – футболки со смешными принтами...». Моя миссия была почти выполнена, и я направилась в продуктовый супермаркет за фруктами и другими угощениями для праздничного стола.

Купив новогодние кульки для деток, мандаринов, бананов, яблок, груш, ананас, сладостей, несколько баночек икры, я засобиралась в гости к своей лучшей подруге за самым главным подарком в этом году – за щенком норвежской гончей, который должен стать лучшим другом моим деткам и верным спутником в наших частых загородных поездках. Уже стемнело, когда я выехала на трассу, ведущую к загородному дому Ольги. Снег не переставал валить с неба огромными пушистыми хлопьями. Видимость была очень плохой. Дворники без устали шоркали по стеклу, сгребая быстро залеплявший его снег. Я пристально вглядывалась вперед, стараясь не упустить почти занесенную метелью дорогу.

Одно мгновение... Я даже не моргала в этот момент... Доли секунды...

Мой мир исчез...

Снега нет... Дворники скребут чистое стекло...

Под колесами ровная каменистая поверхность...

Белоснежная вьюга сменилась серо-коричневым унылым пейзажем...

Я резко нажала на тормоз. Машина встала как вкопанная. Из колонок доносилась песня Наутилуса «Прогулки по воде». Я растерянно смотрела в окна и зеркала автомобиля, абсолютно не понимая, что происходит. Какое-то время в голове мыслей не было вовсе, затем возникла надежда, что это какой-то глюк, сон, видение, ну, или что-то в этом роде, и все скоро кончится, передо мной вновь появится дорога, ведущая к моей дорогой подруге.

Прошла минута, другая, заиграла следующая мелодия, но за окном ничего не изменилось – все та же каменистая равнина, со всех сторон упирающаяся в невысокие скалы. Лишь справа от меня виднелась остроконечная скала, поднимающаяся к необычного цвета небу. В зените светило маленькое белое светило, более тусклое и холодное, чем привычное нам желтое Солнце. Кроме камней, вокруг не было ничего: ни растительности, ни водоема, ни птиц в небе. Я чувствовала, как мою машину штурмуют порывы сильного ветра.

Сердце сжалось, к горлу подкатил ком.

– Какого черта?! – в недоумении обратилась я к невидимому шутнику, который умудрился это устроить.

Я нерешительно открыла дверцу и выставила на землю левую ногу. Ощувив твердую вполне реальную поверхность, я вышла из машины, осторожно вдохнув незнакомого воздуха.

И вот я стою посреди каменной пустыни в полном одиночестве, неведомо в каком закутке неизвестного мне мира, и ещё не подозреваю, что же он мне уготовил. Разве могла я тогда представить, что проведу здесь целых шесть лет?

Глава 2

Состояние шока отказывалось отпускать меня. Я крутилась на одном месте в полном непонимании и растерянности. Голова начала кружиться, меня начало мутить. Я села на землю и облокотилась спиной на колесо, машина не переставала неровно пыхтеть позади меня. Вытащив из кармана телефон, я уставилась на значок отсутствия сети, затем сунула аппарат обратно в карман и медленно поднялась на ноги. Ветер был ледяным, снега нигде не было, но температура явно была ниже ноля. Я забралась обратно в машину, на приборной панели светило «—17» и раздавалась нелепая веселая иностранная песенка, не имею понятия, о чем в ней пелось, но я закрыла глаза и, откинувшись в кресле, попыталась отвлечься от происходящего. Но это не помогло. Осторожно открыв глаза, я вновь увидела каменистую безжизненную равнину в лучах бледного маленького солнца. Мне стало страшно, в голове забегали мысли, доводившие до отчаяния: «Где я? Как я тут очутилась? Что случилось? Смогу ли я вернуться домой? Что с моими детьми? В порядке ли они? Увидимся ли вновь? Что мне теперь делать? Остаться на месте и ждать или идти на поиски цивилизации и попытаться связаться с семьей? Чего ждать? Куда идти? Как долго весь этот кошмар будет длиться? Или это мне только снится? А может, на дороге что-то случилось и я умерла? И что тогда, я никогда больше не увижу своих деток?...» Десятки вопросов распирала мою голову изнутри, на глаза навернулись слезы. Я вцепилась в руль, глубоко вздохнула и попыталась унять панику.

Уезжать с этого места не хотелось, но оставаться посреди голой пустыни в неведомом месте, не зная, чего тут можно ожидать, было опасно. Единственным укрытием могли стать скалы, ближайшая из которых находилась где-то в километре справа от меня. К ним-то я и направила свой внедорожник. Машина работала неровно, видимо, сказывалась разреженность местного воздуха, от которой у меня кружилась голова. Протянув ещё метров триста, мотор заглох, попытки вернуть его к жизни результатов не принесли. Я с силой ударила рукой по рулю, руке стало больно, только и всего.

– Шикарно!

Дамской сумочкой мне служил небольшой рюкзак, который я и взяла с собой в поход на одинокую неизведанную гору. Конечно же, там лежало то, что в этот момент я посчитала самым ценным: документы на машину, права, ключи, кошелек и прочая чепуха, как вскоре окажется – просто мусор. На всякий случай из багажника я прихватила небольшой топорик, который часто помогал нам с детками в походах и потому всегда находился в машине, вместе со складной лопатой.

До скалы я двигалась быстрым шагом, настолько быстрым, насколько позволяло мне мое самочувствие. Путь занял у меня минут двадцать, а может, чуть больше, сильный ветер никак не облегчал задачу. Наконец я достигла первых крупных камней, окружавших одинокую, острую, как пика, абсолютно голую громадину, возвышавшуюся над равниной метров на тридцать. В пяти метрах над землей виднелся небольшой уступ, а от него по спирали можно было без особого труда двигаться вверх, как по винтовой лестнице, ну, или так мне показалось. Но до этого уступа скала была практически гладкая или с редко выступающими, острыми, как бритва, камнями. Однако возле скалы из земли торчали ещё две каменные глыбы, очень близко друг к другу, одна из них почти примыкала к отвесному краю основной громады, с её вершины легко можно было допрыгнуть до уступа, преодолев расстояние меньше метра. Чуть поодаль, справа от того места, где я стояла, располагался ещё один огромный камень, чуть выше меня, и в диаметре метра три. На него я взобралась без труда и огляделась. Ничего особо не изменилось: все та же бесплодная голая унылая пустыня, насколько хватало глаз, а на горизонте серые скалы. Нужно было подняться повыше, решила я и, спрыгнув с камня, направилась к скале. Ещё раз внимательно оглядевшись и прислушавшись, я убедилась, что,

кроме меня, тут никого нет, и, закрепив топорик на ремне, начала карабкаться по небольшой скале, торчащей ближе к основной. Дело это было нелегкое, некоторые выступающие камни были довольно острыми, да и ветер то и дело порывами налетал сбоку, стремясь сбросить меня вниз. Вскрабавшись на самый верх, я с силой оттолкнулась в сторону уступа. Приземлилась я на очень скромную площадку шириной от силы полметра. Отсюда я увидела машину, она казалась совсем крошечной и ужасно одинокой на чужой каменистой пустоши. Отгоняя все чувства и мысли, парализующие мое тело и разум, я заставила себя двигаться по узенькой тропинке, ведущей вдоль отвесной стены наверх. Вскоре моя левая рука, которой я прижималась к камню впереди себя, провалилась в пустоту. Это оказалась небольшая пещера, вход в нее был метра два в высоту, но затем плавно спускался к полу. В ширину она была тоже примерно метра два и углублялась в скалу на четыре моих свободных шага. В самой глубине пещера сужалась до одного метра. Ветер дул вдоль внешней стены горы, издавая завывания и свист, проносясь мимо входа в пещеру. Стены, пол и потолок здесь были абсолютно чистыми: ни плесени, ни насекомых, ни наметенного ветром мусора, ничего, лишь голые острые холодные серые камни. Я поежилась и продолжила свой путь по узенькой обрывистой тропинке, уходящей на вершину горы, оставив безжизненное отверстие в стене за спиной.

С какой бы стороны скалы я ни находилась, пейзаж оставался неизменным. Дойдя до верхней площадки, окруженной тремя высокими пиками, я с удивлением уставилась на первое встретившееся мне дерево в этом жутком мире. Вернее сказать, это было даже не дерево, по крайней мере, я раньше таких не встречала, даже на фотографиях и картинках. Оно было низкое, корявое, со стелющимися по земле ветвями, именно его форма и дала мне повод назвать его деревом. Однако и по цвету, и по структуре оно невероятно напоминало окружающие его камни. Будто все вокруг умерло и окаменело, даже Солнце казалось здесь мертвым. Только обезумевший от одиночества и тоски ветер носился, как неприкаянный дух, из стороны в сторону, от скалы к скале, то шепотом, то стоном, то криком взывая к покинувшему его близким. Из подножья самой высокой пики, торчавшей на вершине горы, сочилась вода. Увидев этот небольшой родничок, я чуть не подпрыгнула от радости. Живая, резвая водица, покрытая бликами белого солнца, выглядела здесь как-то нелепо. Вдруг меня насторожил тот факт, что даже вокруг родника ничего не росло. А ещё, конечно же, удивляло то, что при минусовой температуре нигде не было видно льда, даже у самых краев небольшого ручейка, струившегося между камней. Может, это и не вода вовсе? Может, это кислота или ещё что, от чего все здесь и умерло?

Я снова огляделась. Оставив загадочный источник, я пошла к краю скалы с той стороны, где осталась моя машина. С этой высоты по левую руку от меня стало видно ещё одну горную грядку, расположенную гораздо ближе, чем горы на горизонте. Ни растительности, ни поселений, ничего, что могло бы указать на то, куда я попала и куда мне нужно двигаться. Я отошла от края и двинулась в противоположную сторону. Встав у обрыва с другой стороны скалы, я уперлась в тот же пейзаж. Сделав шаг назад, я беспомощно закрутилась на месте, отчаяние, с которым я так усердно боролась, накрыло меня с головой. Плюхнувшись на землю, я разревелась, закрыв лицо руками. Что происходит? Что все это значит? Где я? Почему это происходит со мной? Снова и снова пыталась я найти ответы на свои вопросы, пока разум мой окончательно не обессил и в нем не осталось ничего внятного.

Я сидела на камнях, обхватив колени руками и уткнувшись в них лбом. В себя меня привел холод. Вдруг я поняла, что до чертиков продрогла и проголодалась. Нужно было возвращаться к машине, где остались все мои вещи и продукты. В момент, когда я осознала, что содержимое машины – это все, что у меня есть, мне стало по-настоящему страшно. Как только мои припасы иссякнут, я умру здесь от голода, жажды или замерзну насмерть. Меня накрыла новая волна паники, но на этот раз мозг заработал как бешеный, пытаюсь найти варианты для выживания.

Солнце двигалось от вершины горы по склону, где находилась пещера, значит, это направление можно было условно принять за запад, а противоположное – за восток. Что ж, это можно считать началом определения себя в этом месте – где-то между западом и востоком. Если встать так, чтобы правая рука была на востоке, а левая на западе, то лицом окажешься к северу. Следовательно, ветер сейчас дул с условного юга. Небо было непривычного для глаз цвета – бледнее, прозрачнее и с еле ощутимым сероватым оттенком. Трудно объяснить, но оно было как будто бы холоднее привычного мне неба, не таким живым, отталкивающим, чужим. Все вокруг здесь было чужим. У меня внутри все больше нарастало чувство, что я уже не на Земле. Если так, то где же я, черт побери?! Мне невольно вспомнился Эдгар Берроуз со своей марсианской серией рассказов.

С этими мыслями я добралась до машины. Руки тряслись от волнения и холода, хотя быстрая ходьба весьма неплохо меня согрела. Я забралась на водительское сиденье и поспешила захлопнуть за собой дверь. Родные запахи ударили мне в нос, крохотный мир салона моей машины вновь окружил меня теплыми красками и защитил от ледяного ветра. Я вцепилась в руль и снова расплакалась.

Нужно было взять себя в руки и разработать план действий. В машине оставаться нельзя. Чтобы согреться, надо развести костер, где-то укрыться от ветра. Хоть место и выглядит необитаемым, все же не стоит недооценивать собственное невезение. Единственным подходящим местом, где можно было все это устроить, была пещера, найденная мною при осмотре горы. Значит, теперь моя задача – до темноты перетащить туда из машины все, что смогу, чтобы устроиться на ночь. Я взяла плед, кульки с конфетами, новую сумку мужа, одну кастрюлю из набора, фонарик, канистру для воды, буксировочный трос, ветошь, хранившуюся в машине на всякий случай, икру, зажигалку, завалившуюся в бардачке, походный набор посуды, который всегда лежал у меня в багажнике, и, конечно же, топорик. Сумка, купленная мною для Макса, была довольно вместительной, в нее и в рюкзак я сложила продукты и прочую мелочь. Канистру, кастрюлю и плед я перевязала тросом и закрепила на рюкзаке. Топорик вернулся на мой пояс. Я закрыла машину и направилась обратно к горе.

Подниматься с грузом было куда сложнее, да и холод, ветер, волнение и голод давали о себе знать. Мышцы задеревенели, пальцы почти не ощущали камни и уступы, за которые цеплялись, я пару раз чуть не сорвалась, пока преодолевала заветные пять метров до первой площадки на скале. Наконец добравшись до пещеры, я обессиленно плюхнулась на небольшой камень в глубине, вполне подходящий на роль стула. В пещере было, несомненно, холодно, но почему-то мне показалось, что здесь все же теплее, чем снаружи. Наверно, мне просто хотелось в это верить. Солнце все больше клонилось к закату и сейчас светило прямоком в мое новое укрытие. Может, именно поэтому и из-за отсутствия ветра тут все же не было так холодно.

Я, не снимая перчаток, сняла с себя поклажу и разложила все перед собой. Нужно было взять кусок брезента, свернутый у меня под ковриком в багажнике, – очень полезная вещь на природе. А я совсем про него забыла. Этот факт меня раздосадовал, и я с расстройства распечатала кулек со сладостями и принялась их уплетать. После пяти конфет и вафли я заставила себя остановиться. Сколько бы мне ни пришлось тут пробыть, припасы нужно было экономить. На камнях спать будет холодно, ветоши, что у меня была, хватит от силы, чтобы разжечь костер, но чтобы костер вообще состоялся, нужен хворост, дрова. Тут мне пришло в голову, что из машины можно принести еще и коврики, да и футболки, что я купила на подарки, можно устелить поверх ковриков – всяко не на промозглых камнях. А в качестве дров можно попробовать то недодерево возле странного родника.

Я вспомнила, что у меня есть часы, и тут же, отодвинув рукав, уставилась на циферблат – стрелки указывали на сорок три минуты двенадцатого. Но, когда я попала сюда, в моем мире было около семи часов вечера, а здесь Солнце было в зените, то есть полдень. Значит, я нахожусь здесь четыре с половиной часа. Разница между моим временем и местным составляла

семь часов, нет, вернее будет сказать девятнадцать, и это при условии того, что время здесь течёт так же. И снова мысли о моем перемещении куда-то в неизведанное навели на меня тоску и дрожь.

Нужно было успеть все сделать до темноты, бродить ночь по чужому мне миру совсем не хотелось. Я поднялась и отправилась к месту, где бил загадочный родник. Я внимательно смотрела на воду, наверно, минуту, а может, две, надеясь, что её внешний вид расскажет мне больше о её пригодности, но этого так и не произошло – жидкость была прозрачной, кристально чистой, очень текучей – это все, что можно было определить на вид. Тогда я неохотно сняла перчатку и осторожно опустила в воду окоченевший палец. На своей коже я ощутила легкое покалывание, но, к моему счастью, это была не кислота. Слегка осмелев, я сунула палец в рот. У этой жидкости не было ни вкуса, ни запаха, видимо, она и впрямь была водой. Наполнив ею канистру, я подошла к дереву и принялась осматривать необычную кору. В первый раз она показалась мне сродни здешнему камню, но сейчас, при детальном рассмотрении, больше напоминала уголь. Я провела рукой по ветке, и на перчатке остались следы сажи, но только здесь она была не черной, а коричнево-серой. Я попробовала надавить на ветку, решив, что, обгорев, она стала хрупкой, но встретила сопротивление. Ветвь оказалась очень прочной, пришлось все же достать топорик и срубить её. Внутри дерево отличалось от земных разве что оттенком коричневого, присущим всему, что находилось в этом мире, – коричнево-серым, каменистым. Даже запах от свежесрубленной древесины был почти настоящим. Ветка была небольшой, но и само деревце было мало, его можно было изрубить на один костер, но что же мне делать потом? Я порубила ветку на куски сантиметров по пятнадцать, собрала их в охапку и, подхватив канистру с водой, оправилась обратно в пещеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.